

РЕКС
СТАУТ
ОСТРИЕ
КОПЬЯ

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

Ниро Вульф

Рекс Стаут
Острие копья

«Азбука-Аттикус»

1934

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Острие копья / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус», 1934 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-18372-8

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. На площадке для гольфа от сердечного приступа умирает ректор университета, но Ниро Вулф утверждает, что это изощренное убийство, к тому же убили ректора по ошибке...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-18372-8

© Стаут Р. Т., 1934
© Азбука-Аттикус, 1934

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рекс Стаут Острие копья

Rex Stout

FER-DE-LANCE

Copyright © 1934 by Rex Stout

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Д. В. Попов, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

Глава 1

Ехать за пивом в тот день светило определенно мне, поскольку дело Фэрмонтского национального банка было закрыто еще на прошлой неделе, и поневоле я оказался на побегушках. И если Вулфу взбрело в голову, он не стеснялся гонять меня на Мюррей-стрит хотя бы и за баночкой ваксы. Однако за пивом был послан Фриц. Сразу после обеда, не успев даже домыть посуду, он по звонку поднялся из кухни наверх и, получив распоряжения, вышел из дому и сел в «родстер», который мы всегда парковали перед входом. Час спустя он вернулся с ящиками с пивом на заднем откидном сиденье. Вулф находился в кабинете – так называли эту комнату мы с ним, для Фрица же она была библиотекой. Я сидел в гостиной, погруженный в чтение книги об огнестрельных ранениях, в которой ни черта не понимал. Оттуда-то я и увидел в окно, как Фриц подкатывает к дому. То был неплохой повод размяться, так что я вышел и помог ему перенести ящики на кухню. Только мы принялись переставлять бутылки в буфет, как раздался звонок. Я проследовал за Фрицем в кабинет.

Вулф поднял голову. Я упоминаю об этом, поскольку в силу ее изрядной величины одно это движение, похоже, требовало труда. Пожалуй, она была даже больше, чем казалась, но на таком огромном теле любая другая голова осталась бы незамеченной.

– Где пиво?

– На кухне, сэр. В буфете, в правом нижнем отделении, я полагаю.

– Подавай его сюда. Оно холодное? И еще открывалку и два стакана.

– Большой частью холодное, сэр. Слушаюсь.

Я ухмыльнулся, сел в кресло и принялся с интересом следить за манипуляциями Вулфа с кусочками бумаги. Он вырезал из нее кружочки и теперь гонял их по папке с промокашками. А Фриц тем временем начал приносить пиво, по шесть бутылок на подносе зараз. После его третьего рейса я вновь ухмыльнулся, увидев, как Вулф оглядел боевые порядки на столе, а затем перевел взгляд на спину Фрица, удаляющегося из кабинета. Еще два полных подноса, и Вулф наконец остановил парад:

– Фриц, не соблаговолишь ли сообщить мне, когда это закончится?

– Весьма скоро, сэр. Еще девятнадцать. Всего сорок девять.

– Вздор! Извини меня, Фриц, но это явный вздор.

– Да, сэр. Вы велели купить по одной бутылке каждого сорта, какой только можно приобрести. Я объездил по меньшей мере десять магазинов.

– Ладно. Неси их сюда. И какие-нибудь соленые крекеры. Ни одно не упустит своего шанса, Фриц. Это было бы несправедливо.

Жестом пригласив меня придвинуть кресло к его столу и принявшись откупоривать бутылки, Вулф объяснил, что намерен отказаться от бутлегерского пива, которое многие годы покупал бочонками и держал в холодильнике в подвале, если ему удастся обнаружить в открытой продаже сорт годного для употребления слабоалкогольного пива. Он также пришел к выводу, что шесть кварт в день – это чересчур. Отнимает слишком много времени. Впредь он ограничит себя пятью. На это я лишь хмыкнул, так как не поверил. И хмыкнул снова, представив, как кабинет наполняется пустыми бутылками, если только Фриц не будет их выносить день-деньской. Я повторил ему то, что говорил уже не единожды: пиво замедляет мышление. Это просто чудо, что он, вливающий в себя по шесть кварт в день, шевелит мозгами быстрее и лучше кого-либо в стране. На это он, по обыкновению, ответил, что работает не его мозг, а низшие нервные центры. И пока я открывал ему на пробу пятую бутылку, он продолжал распространяться – также отнюдь не в первый раз, – что ни в коем случае не оскорбит меня, проглотив мою лесть, поскольку это или глупость, если я говорил искренне, или гнусное лицемерие, если хитрил.

Он причмокнул губами, отведав пятый сорт, поднял бокал и осмотрел янтарную жидкость на свет:

– А вот это приятный сюрприз, Арчи. Даже не верится. Пессимизм имеет свои преимущества. Пессимиста ожидают лишь приятные сюрпризы, а оптимиста – лишь неприятные. Пока ни один сорт не оказался мочой. Как видишь, Фриц проставил на этикетках цены, и я начал с самого дешевого. Нет, не это, возьми следующую бутылку.

Вот тут-то я и услышал негромкий звонок с кухни, означавший посетителя у входной двери. С этого звонка все и началось. Хотя в тот момент ничего интересного как будто и не было: всего лишь Даркин, явившийся с просьбой об одолжении.

Даркин – парень что надо. Когда я задумываюсь, как туп он во многих отношениях, то неизменно диву даюсь, как он вообще может заниматься слежкой. Известно, что бультерьеры тупы, однако хорошая слежка – это нечто гораздо большее, чем просто повиснуть на хвосте, а выслеживать Фред Даркин умел. Однажды я поинтересовался у него, как ему это удается, и он ответил: «Да я просто подхожу к объекту и спрашиваю, куда он направляется. А если вдруг теряю его, то знаю, где искать». Полагаю, он был в курсе, насколько это смешно, но точно не знаю, просто догадываюсь. Когда дела пошли так, что Вулфу, как и все прочим, от банкира до бродяги, пришлось урезать расходы, еженедельные выплаты Солу Пензеру и мне прискорбно сократились, Даркин же и вовсе перестал что-либо получать. Вулф вызывал его только в случае крайней необходимости и платил поденно. Время от времени я встречал Фреда и знал, что ему действительно приходится туго. У нас самих дела шли не очень гладко, и я не видел Даркина месяц или даже больше, пока в тот день не раздался звонок и Фриц не привел его в кабинет.

Вулф взглянул на него и кивнул:

– Привет, Фред. Я тебе что-нибудь должен?

Даркин, со шляпой в руках, подошел к столу и покачал головой:

– Как поживаете, мистер Вулф? Увы, вы мне ничего не должны. Если бы мне кто-нибудь был должен, то я бы с него уж не слезал.

– Присаживайся. Выпьешь пива?

– Нет, спасибо. – Фред остался стоять. – Я зашел попросить об одолжении.

Вулф снова поднял на него глаза, чуть выпятил большие толстые губы, едва уловимым движением сжал их, втянул назад, а потом вновь выпятил и втянул. Я обожал смотреть, как он это делает! Ничто не приводило меня в восторг, как это движение его губ. И не важно, чем оно было вызвано – каким-нибудь пустяком вроде нынешнего визита Даркина или же тем, что Вулф напал на след чего-то крупного и опасного. Я знал, что происходит. Внутри Вулфа совершалось нечто стремительное и всеобъемлющее, способное охватить целый мир за одно мгновение. Никто другой никогда бы не смог этого постичь, сколько бы Вулф ни силился объяснить, чего, впрочем, он никогда не делал. Мне он кое-что растолковывал, когда ему доставало терпения. И я как будто даже улавливал суть, однако лишь потому, как сознавал впоследствии, что обнаруживал доказательства, позволяющие мне принять его догадки. Однажды я признался Солу Пензеру, что это все равно как оказаться нам с Вулфом в незнакомой темной комнате. Вулф детально ее описывает, потом включается свет, и ты принимаешь за истину ход его рассуждений, поскольку видишь перед собой именно то, что он и описывал.

И вот сейчас Вулф ответил Даркину:

– Тебе известно, что дела у меня идут неважно. И раз ты не просишь в долг, значит тебе есть что предложить в ответ на любезность. Что же это?

Даркин нахмурился. Вечно Вулф расстраивал его планы.

– Деньжат в долг я бы перехватил. Вряд ли они нужны кому-нибудь больше, чем мне. Как вы догадались, что это не тот случай?

– Не важно. Арчи объяснит. Не так уж ты и стеснен, да и женщину с собой не привел бы. Так что же это?

Я подался вперед и встрял в разговор:

– Черт, да он один! Я пока еще не оглох!

По огромной туше Вулфа пробежала мелкая дрожь, заметная лишь тем, кто, подобно мне, наблюдал ее прежде.

– Ну конечно, Арчи, слух у тебя отменный. Вот только слышать было нечего. Леди не издала ни звука, различимого на таком расстоянии. И Фриц не обращался к ней. Но в его приветствии Фреду сквозила учтивость, которую Фриц обычно припасает для слабого пола. Если я услышу, что Фриц в такой манере обращается к одинокому мужчине, то немедленно отправлю его к психоаналитику.

– Это подруга моей жены, – пояснил Даркин. – Ее лучшая подруга. Моя жена – итальянка, как вы знаете. Может, и не знаете, но так оно и есть. Как бы то ни было, у этой ее подруги неприятности. Или это она так думает. По мне, так сущая чепуха. Мария пристаёт к Фанни, Фанни пристаёт ко мне, и обе вместе достают меня. И все потому, что однажды я ляпнул Фанни, будто у вас внутри сидит дьявол, который может разгадать все на свете. Глупость, конечно же, мистер Вулф, но вы-то знаете, как это бывает, когда дашь волю языку.

– Приведи ее! – велел Вулф в ответ на эту тираду.

Даркин вышел в прихожую и тут же вернулся в сопровождении женщины. Она была маленькой, но не худой, черноглазая и черноволосая, итальянка с головы до ног, хотя и не того типа, что вечно кутаются в платки. Возраст уже сказывался на ней, однако в розовом хлопковом платье и черном вискозном жакете выглядела она опрятно и привлекательно. Я подтащил кресло, и она села лицом к Вулфу и свету.

Даркин представил их друг другу:

– Мария Маффи, мистер Вулф.

Она отрывисто улыбнулась Фреду, обнажив ряд белых зубок.

– Мария Маффеи, – поправила она, обращаясь к Вулфу.

– Не миссис Маффеи, – уточнил Вулф.

Женщина покачала головой:

– Нет, сэр. Я не замужем.

– Но все равно с неприятностями.

– Да, сэр. Мистер Даркин подумал, вы вполне сможете...

– Расскажите нам, что произошло.

– Да, сэр. Это все мой брат Карло. Он ушел.

– Куда ушел?

– Не знаю, сэр. Поэтому-то я и боюсь. Его нет уже два дня.

– А где он... Нет-нет. Никаких догадок, только факты. – Вулф повернулся ко мне. –

Подключайся, Арчи.

Стоило ему лишь произнести свое «нет-нет», как я уже извлек блокнот. Вести записи перед Вулфом доставляло мне удовольствия больше, чем какая-либо другая работа, поскольку я прекрасно знал, что уж тут-то не оплошаю. Однако работы записывать было практически нечего. Эта женщина, как и я, знала, чему нужно уделять внимание. Она выложила свою историю быстро и без обиняков. Мария Маффеи работала экономкой в шикарной квартире на Парк-авеню, там же и жила. Ее брат Карло, на два года старше, проживал в меблированных комнатах на Салливан-стрит. Он работал по металлу и, по ее словам, знал в этом толк. Много лет он получал неплохое жалованье в ювелирной фирме «Рэтбан энд Кросс», однако позволял себе выпивать и порой не появлялся в мастерской, а потому был уволен в числе первых с наступлением Великой депрессии. Какое-то время он перебивался случайной работой, потом жил на свои скромные сбережения, а прошлую зиму и весну и вовсе на то, что давала сестра. Где-то в середине апреля, совершенно пав духом, Карло решил вернуться в Италию. Мария согласилась помочь ему деньгами. Собственно, она купила ему билет на пароход. Но неделю

спустя брат вдруг объявил, что отъезд откладывается. Он не объяснил причину, однако заявил: более денег ему не требуется и вскоре он сможет отдать ей все, что она ему одалживала, и, по видимому, все-таки остаться в Штатах. Он никогда не отличался особой разговорчивостью, а уж относительно этих изменений планов и вовсе хранил упрямое молчание. И вот теперь он пропал. В субботу он позвонил сестре. Они договорились встретиться в понедельник вечером, в ее свободное время, в итальянском ресторанчике на Принс-стрит, где частенько вместе обедали. Карло жизнерадостно добавил, что у него будет с собой достаточно денег, чтобы полностью расплатиться с ней и даже одолжить ей, если в этом есть необходимость. Она прождала его вечером в понедельник до десяти часов, а затем отправилась в меблированные комнаты, где жил брат. Там ей сообщили, что он ушел где-то после семи и с тех пор не возвращался.

– Позавчера, – отметил я.

Даркин, как я увидел, тоже раскрыл блокнот и теперь согласно кивнул:

– Понедельник, четвертое июня.

Вулф покачал головой. Все это время он сидел неподвижно, отстраненный, словно гора, уперев в грудь подбородок. И вот теперь голова его чуть качнулась, и он прошептал:

– Даркин... Сегодня среда, седьмое июня.

– Да ну? – изумился Фред. – Как скажете, мистер Вулф.

Вулф ткнул в сторону Марии пальцем:

– То был понедельник?

– Да, сэр, конечно же. Это мой свободный вечер.

– Тогда вам лучше знать. Даркин, исправь в своей записной книжке, а еще лучше – просто выкинь ее. Ты на год опережаешь время: четвертое июня выпадет на понедельник в следующем году. – Он обратился к женщине: – Мария Маффеи, с сожалением вынужден дать вам не лучший, но единственно возможный совет: обратитесь в полицию.

– Я обращалась, сэр. – Глаза ее вспыхнули возмущением. – Они сказали, что брат смылся с моими денежками в Италию.

– Возможно, так оно и есть.

– Ах нет, мистер Вулф! Вам ли не знать. Вот я перед вами. Вы же понимаете, что я не могу успокоиться на этом, когда речь идет о судьбе брата.

– Полиция сказала, на каком пароходе отплыл ваш брат?

– Да откуда! Не было никакого парохода! Они ничего не расследуют и даже не помышляют об этом. Просто говорят, он уехал в Италию.

– Понятно. Говорят первое, что в голову придет. Ладно. Сожалею, но все равно ничем не могу вам помочь. Могу лишь строить предположения. Ограбление? Где же тогда его тело? Обратитесь в полицию снова. Рано или поздно тело найдется, и загадка будет решена.

Мария Маффеи покачала головой:

– Я не верю в это, мистер Вулф. Не верю, и все. Кроме того, был телефонный звонок.

Я вмешался:

– Вы не упоминали никакого звонка.

Она широко улыбнулась мне:

– Я не успела. Брату звонили в меблированные комнаты незадолго до семи. Телефон находится в коридоре нижнего этажа, и служанка слышала, как он с кем-то разговаривает. Брат разволновался и согласился встретиться со звонившим в половине восьмого. – Она повернулась к Вулфу. – Вы ведь можете помочь мне, сэр. Можете помочь мне найти Карло. Пожив среди американцев, я научилась выглядеть холодной как камень. Но я итальянка и должна найти своего брата. Должна узнать, кто причинил ему вред. – Вулф лишь покачал головой, но она не обратила на это внимания. – Вы должны, сэр. Мистер Даркин говорит, у вас туго с деньгами. А у меня кое-что осталось, и я могу оплатить все расходы и, быть может, даже больше. И вы друг мистера Даркина, а я подруга миссис Даркин, моей милой Фанни.

– У меня нет друзей! – отрезал Вулф. – Сколько вы сможете заплатить? – (Она колебалась.) – Сколько у вас есть?

– Ну... Больше тысячи долларов.

– И сколько из этого вы заплатите?

– Я заплачу... Я заплачу все. Если вы найдете моего брата живым, я заплачу все. Если вы найдете его мертвым и укажете мне, где его тело и кто убийца, я все равно заплачу достаточно. Только сначала мне придется оплатить похороны.

Веки Вулфа медленно опустились и так же медленно поднялись. Это, как мне было известно, означало его одобрение. Сколько же я раз ожидал этого знака – и зачастую напрасно, – когда отчитывался перед ним. Он произнес:

– Вы практичная женщина, Мария Маффеи. Даже больше. Вы, возможно, женщина чести. Вы правы, во мне есть нечто, что может помочь вам. Это гений. Однако пока ничто из сказанного вами не пробудило его. И неясно, проснется ли он в ходе поисков вашего брата. Так или иначе, мы начнем с обычной рутины, а расходы на нее невелики. – Он обратился ко мне: – Арчи, отправляйся в меблированные комнаты, где жил Карло Маффеи. Его сестра будет сопровождать тебя, чтобы подтвердить твои полномочия. Поговори со служанкой, которая слышала звонок, и со всеми прочими. Осмотри его комнату. Если обнаружится какой-нибудь след, вызови сюда Сола Пензера на любое время после пяти. Прихвати с собой оттуда все, что сочтешь важным.

Я подумал, что вовсе не обязательно так глумиться надо мной перед посторонними. Однако я давно уже понял: возмущаться его выходками совершенно бессмысленно. Мария Маффеи поднялась со стула и поблагодарила его.

Даркин шагнул вперед:

– Касательно того, что у вас туго с деньгами, мистер Вулф... Вам ли не знать, что, когда даешь волю языку...

Я пришел к нему на выручку:

– Пошли, Фред, мы поедем на «родстере», и я подброшу тебя по пути.

Глава 2

Припарковав большой черный и блестящий «родстер» перед домом на Салливан-стрит, номер которого назвала Мария Маффеи, я испытал опасения, что могу уже никогда не увидеть его полным жизни и довольства – я говорю о «родстере». Улочка была завалена мусором и кишела итальянскими сорванцами, с воплями носившимися туда-сюда подобно черноглазым бесенятам. Однако мне доводилось оказываться с этой машиной и в местах похуже. Например, в ту ночь, когда я гнался за двухместным «пирс-арроу» молодого Грейвса, который между коленями держал сумку с изумрудами, от Нью-Милфорда через весь округ Пайк, вверх-вниз по дюжине гор, в грязи по колено да в самый скверный дождь, какой я только видывал. Согласно предписанию Вулфа, после каждой незначительной царапины «родстер» необходимо было ремонтировать, чтобы он вновь выглядел как новенький. И я, естественно, его поддерживал.

Это был всего лишь еще один пансион. По той или иной причине все они выглядят одинаково, будь то заведение с претензией на Пятидесятых улицах Манхэттена, или особняк из бурого песчаника к западу от Центрального парка, битком набитый целомудренными актрисками, или же итальянский притон вроде этого на Салливан-стрит. С некоторыми мелкими различиями, конечно. Такими, как запах чеснока, например. Сперва Мария Маффеи отвела меня к домовладелице, славной толстухе с влажными ладонями, приплюснутым носом и со множеством колец на пальцах, а затем проводила вверх по лестнице в комнату брата. Я немного осмотрелся, пока Мария ходила за служанкой, подслушавшей тот телефонный разговор. Комната приличных размеров с двумя окнами располагалась на третьем этаже. Потертый ковер, мебель старая и кое-где поломанная. Однако жилище содержалось в чистоте и в целом производило бы неплохое впечатление, если бы не крики уличной шпаны, ворвавшиеся внутрь, едва я открыл окно, чтобы проверить, остались ли еще у «родстера» колеса. В углу один на другом лежали два больших саквояжа: один хлипкий, старый и уже совершенно негодный, другой тоже старый, но все еще крепкий и в весьма хорошем состоянии. Оба были не заперты. Хлипкий оказался пустым, пригодный же содержал множество небольших инструментов различной формы и величины, частью с бирками ломбарда, а также куски дерева, металла и прочие запчасти вроде пружин. В шкафу обнаружили мужской костюм, два рабочих комбинезона, пальто, две пары туфель и фетровая шляпа. В ящиках комода с зеркалом, стоявшего между окнами, был набор – не такой уж и скудный для человека, около года жившего за счет сестры, – рубашек, галстуков, носовых платков, носков и разнообразнейшего хлама вроде шнурков, карандашей, фотокарточек и пустых жестянок из-под трубочного табака. В верхнем ящике нашлась скрепленная резинкой пачка из семнадцати писем в конвертах, все с итальянскими марками. Там же беспорядочно валялись чеки, оплаченные счета, упаковка писчей бумаги, несколько вырезок из газет и журналов да собачий ошейник. На крышке комода, помимо расчески, щеток и прочих причиндалов, как называл это Вулф, лежало пять книг (на итальянском, кроме одной) со множеством рисунков и схем, а еще груда журналов – трехлетняя подборка ежемесячных выпусков одного и того же названия «Художественная обработка металла». В углу, возле правого окна, стоял простой верстак из необработанного дерева, с изрезанной и исцарапанной столешницей, на которой располагались небольшие тиски, точильный камень и полировальный станок с электрическим шнуром, достаточно длинным, чтобы дотягиваться до лампового патрона, плюс еще кое-какие инструменты вроде тех, что хранились в саквояже. Я осматривал точило, чтобы определить, как давно им пользовались, когда появилась Мария Маффеи со служанкой.

– Это Анна Фиоре, – представила ее Мария.

Я подошел и пожал руку горничной, невзрачной девушке лет двадцати с кожей цвета высушенного теста. Вид у нее был такой, словно ее напугали в младенчестве и она до сих пор не оправилась от потрясения. Я представился и сказал, что узнал от мисс Маффей, будто Анна слышала разговор мистера Маффей по телефону перед его уходом в понедельник вечером. Она кивнула.

– Полагаю, мисс Маффей, – обратился я к Марии, – вы хотели бы вернуться к себе на Парк-авеню. Мы с Анной поладим.

Она покачала головой:

– Если я вернусь к обеду, ничего страшного не случится.

Это меня немного разозлило. Положа руку на сердце, я был согласен с Даркином: дело безнадежное и мы лишь напрасно тратим на него время. Поэтому я заявил Марии Маффей, что с легкостью справлюсь без нее и ей лучше уйти. Если что появится, Вулф даст ей знать. Она бросила взгляд на служанку, показала мне зубки и ушла.

Я поставил пару стульев друг перед другом, усадил девушку на один из них и выудил свой блокнот.

– Вам нечего бояться, – успокоил я ее. – Самое худшее, что с вами может случиться, – окажете услугу мисс Маффей и ее брату. А быть может, получите от нее кое-какие деньжата. Вам нравится мисс Маффей?

Анна как будто все-таки испугалась, словно удивившись, что кто-то счел необходимым озаботиться ее предпочтениями и антипатиями, однако ответ ее был вполне ожидаемым:

– Да, она мне нравится. Она милая.

– А мистер Маффей?

– Да, конечно, он всем нравится. Если только он не пьяный. Девушкам тогда стоит держаться от него подальше.

– Как получилось, что вы услышали звонок в понедельник вечером? Вы его ждали?

– Да как же я могла ждать его?

– Не знаю. Это вы взяли трубку?

– Нет, сэр. Миссис Риччи. Она велела мне позвать мистера Маффей, и я поднялась наверх. Потом я убиралась в столовой, а дверь была открыта, и потому я услышала его разговор.

– Вы слышали, что он отвечал?

– Ну конечно. – В ее голосе прозвучала насмешка. – Мы всегда слышим каждое слово, которое жильцы говорят по телефону. Миссис Риччи тоже слышала его, и она слышала то же, что и я.

– И что он говорил?

– Сначала он сказал: «Алло». Потом: «Да, это Карло Маффей. Чего вы хотите?» А после: «Про свое дело я скажу вам при встрече». Дальше он спросил: «А почему не здесь, в моей комнате?» И заявил: «Нет, я не боюсь, это не я должен бояться». Миссис Риччи говорит, будто он ответил: «Испугался вовсе не я», но она путает. А потом он сказал: «Конечно мне нужны деньги, и намного больше». Затем: «Договорились, полвосьмого на углу», и еще: «Вас не касается, что меня беспокоит». И в конце: «Да, полвосьмого, я помню машину». – Она замолчала.

– С кем он разговаривал? – спросил я.

Естественно, я предполагал ответ, что она не в курсе, уж если не знала Мария Маффей, однако Анна тут же ответила:

– С человеком, который звонил ему и раньше.

– Раньше? Когда?

– Всего несколько раз. В мае. Однажды два раза за день. Миссис Риччи говорит, до понедельника всего девять раз.

– Вы когда-нибудь слышали его голос?

– Нет, сэр. Трубку всегда берет миссис Риччи.

– А вы когда-нибудь слышали, как его зовут?

– Нет, сэр. Миссис Риччи стало любопытно, и она спрашивала, но он всегда отвечал: «Не важно, скажите ему, что его просят подойти к телефону».

Я начал склоняться к мысли, что, пожалуй, из этого может выйти кое-что занятное, а может, даже и кое-какие деньги перепадут. Не то чтобы они меня особо интересовали – это по части Вулфа. Развлечение – вот чего я искал. Как бы то ни было, дело могло обернуться не просто ограблением и трупом в Ист-Ривер. Я решил посмотреть, что можно выведать, и взялся за девчонку как следует. Я неоднократно был свидетелем, как это проделывает Вулф. И я знал: по большей части успех ему приносит какое-то шестое чувство, мне несвойственное. Однако многого он все же добивается за счет терпения и удачи. Так что я взялся за Анну. Я угробил на нее два часа и собрал уйму фактов, однако ни один из них ничего мне так и не дал. Раз я было решил, что напал на след. Выяснилось, что у Карло Маффеи были шашни с двумя женщинами, с которыми время от времени он открыто появлялся, и что одна из них замужем. Но, убедившись, что дамочек никак не связать с телефонным звонком, оставил эту нить. Маффеи упоминал о возвращении в Италию, но в подробности не вдавался. Своему делу он отдавался со всей душой. Ему никто не звонил, за исключением сестры да приятеля, сохранившегося со времен былого процветания. Иногда он с ним ужинал. В общем, я выкачивал сведения битых два часа, но лучик так и не блеснул. И все же нечто в этом звонке не давало мне объявить дело беспросветным и взяться за шляпу. Наконец я сказал ей:

– Подождите здесь минуточку, Анна. Я спущусь и переговорю с миссис Риччи.

Домовладелица подтвердила версию телефонного разговора, данную служанкой, и посетовала, что понятия не имеет, кем был звонивший, хотя несколько раз и пыталась это выяснить. Я задал ей несколько вопросов о том о сем, а потом попросил отпустить Анну со мной. Она ответила отказом: близится обед и подавать его одна она не может. Пришлось продемонстрировать ей долларовую банкноту. В ответ она спросила, когда может ожидать возвращения своей служанки. Та должна возвратиться никак не позже девяти вечера, предупредила она.

Вручив ей доллар, я ответил:

– Ничего не могу обещать, миссис Риччи. Когда мой шеф начинает задавать вопросы, время ничего не значит. Но она вернется целой и невредимой как можно скорее.

Я поднялся наверх, позвал Анну и прихватил кое-что из ящика комода. Когда мы вышли на улицу, я с облегчением обнаружил, что «родстер» не лишился ни крыла, ни запаски.

По городу я катил неспешно, отнюдь не желая добраться до Тридцать пятой улицы слишком быстро. С четырех до шести вечера Вулф неизменно возился наверху с растениями. Потревожить его в эти часы без крайней необходимости было не самой лучшей идеей. «Родстер» Анну просто потряс, она сидела, спрятав ноги под сиденье и сцепив руки на коленях. Это меня позабавило, и я даже почувствовал к ней расположение и пообещал ей доллар, если она расскажет моему шефу что-нибудь полезное. Была минута или две седьмого, когда я остановился перед старым особняком из бурого песчаника менее чем в квартале от реки Гудзон, где Вулф проживал вот уже двадцать лет, треть из которых с ним провел я.

Тем вечером Анна не вернулась домой к девяти часам. Только после одиннадцати Вулф послал меня в редакцию «Таймс» за газетами, и было уже далеко за полночь, когда мы в конце концов добились от Анны толку. К тому времени миссис Риччи звонила три раза. Когда я доставил девушку на Салливан-стрит почти в час ночи, домовладелица ожидала нас у дверей, возможно с готовой отповедью. Однако она не проронила ни слова, лишь испепелила меня взглядом. Я отдал Анне доллар, ибо на то имелась причина.

Я отчитался перед Вулфом наверху, в солярии перед оранжереей, оставив Анну в кабинете. Он сидел, развалившись в огромном кресле, красная с коричневым орхидея дюймов восемь в размахе щекотала ему затылок, и выглядел совершенно незаинтересованным. Ему и вправду было неинтересно. Он едва взглянул на мои записи и вещи из комнаты Маффеи.

Правда, Вулф согласился, что звонок наводит на размышления, однако вряд ли ради этого стоило себя утруждать. Я пытался убедить его взяться за девушку, раз уж она ждет внизу. Вдруг что-нибудь и выяснится. Наконец я добавил со злостью:

- Как бы то ни было, она стоила доллар. Мне пришлось отдать домовладелице доллар.
- Это был твой доллар, Арчи.
- Нет, сэр, это был расходный доллар. Он занесен в бухгалтерскую книгу.

Я направился с ним к лифту. Если бы ему приходилось спускаться и подниматься пешком, то, думаю, он никогда бы не появился наверху даже ради растений.

Он тут же принялся за Анну. Это было прекрасно, хотя пятью годами ранее я бы не оценил этого. Красота же заключалась в абсолютной всеохватности расспросов. Если девушка владела хотя бы крупницей информации, если в ее памяти хранилась полустертое ощущение или реакция, способная указать нам след или дать намек, они просто не могли ускользнуть от Вулфа. Он допрашивал Анну на протяжении пяти часов. Его интересовал тембр голоса Карло Маффеи, его привычки, манера одеваться, пристрастия в еде, умение вести себя за столом, отношения с сестрой, миссис Риччи, самой Анной и всеми, с кем Анна когда-либо встречала его. Вулф расспрашивал ее о миссис Риччи, обо всех жильцах, снимавших комнату в пансионе за два последних года, о соседях и торговцах, доставлявших товары на дом. Все это он проделывал с легкостью и неспешно, заботливо следя за тем, чтобы не утомлять ее. Совсем не так, как в тот раз, когда при мне допрашивал Лона Грейвса. Его Вулф мочалил почти целый день и в итоге едва не свел с ума. Мне казалось, что он выудил из девчонки лишь одно, да и то небольшое. Признание, что она вынесла нечто из комнаты Маффеи тем самым утром. В среду. Бумажки из ящика комода, с клеевым слоем на обороте и с напечатанными спереди названиями пароходов «Лючия» и «Фьоренца». Конечно же, это были наклейки на багаж. С помощью подшивки газет я выяснил, что «Лючия» отплыла восемнадцатого мая, а «Фьоренца» – третьего июня. По-видимому, Маффеи намечал отъезд в Италию не один раз, а дважды и оба раза откладывал. Анна, по ее словам, взяла бумажки, потому что они были очень яркие. Ей захотелось наклеить их на сундук, в котором она хранит одежду. За обедом, когда мы все трое сидели в столовой, Вулф оставил Анну в покое и говорил лишь со мной, в основном о пиве. Однако, когда настал черед кофе, он отвел нас назад в кабинет и вновь принялся за расспросы. Он ходил вокруг да около и возвращался обратно, наугад набрасываясь на темы столь неуместные и незначительные, что любой, кто прежде не видел, как он из подобной шляпы вытаскивает кролика, несомненно, принял бы его за психа. К одиннадцати я совершенно вымотался, отчаянно зевал и готов был сдать, раздражаясь при этом, что сам Вулф не выказывает ни малейших признаков нетерпения или разочарования.

Затем он внезапно попал в точку:

- Так мистер Маффеи никогда не дарил вам подарков?
- Нет, сэр. Кроме той коробки мела, о которой я говорила. И газет, если это можно назвать подарком.
- Да. Вы сказали, что он всегда отдавал вам свою утреннюю газету. «Таймс».
- Да, сэр. Однажды он сказал мне, что выписывает ее из-за объяв. Ну, знаете, объяв о работе.
- А в понедельник утром он отдал вам газету?
- Обычно он отдавал мне ее днем. В понедельник днем, да, сэр.
- Полагаю, тем утром не произошло ничего особенного.
- Нет, сэр.

Очевидно, Вулф уловил, как что-то мелькнуло у нее в глазах, некое едва заметное движение, ускользнувшее от моего внимания. Во всяком случае, он настоял:

- Точно ничего особенного?
- Нет, сэр. Кроме... Ну конечно... Вырезка!

– Вырезка?

– Он вырезал кусок газеты. Большой кусок.

– А он часто делал вырезки?

– Да, сэр. В основном объявления. Может, только их и вырезал. Я заворачивала в газеты отбросы, и мне приходилось просматривать, нет ли в них дырок.

– Но это был большой кусок.

– Да, сэр.

– Значит, не объявление. Вы уж простите меня, мисс Фиоре, что я не говорю «объява». Предпочитаю не употреблять это слово. Значит, из понедельничной газеты он вырезал не объявление.

– Ах нет, это было на первой полосе.

– Вот как? А он когда-нибудь до этого делал вырезки на первой полосе?

– Нет, сэр. Точно нет.

– Ничего, кроме объявлений?

– Ну, я не совсем уверена в этом. Пожалуй, только их, мне так кажется.

С минуту Вулф сидел, опустив подбородок на грудь. Затем повернулся ко мне:

– Арчи, дуй на Сорок вторую улицу и привези двадцать экземпляров понедельничной «Таймс».

Я был только рад взбодриться. Не то чтобы наметился повод для воодушевления. Я понимал, Вулф всего лишь нащупал единственную трещинку, из-за которой мог бы блеснуть свет. Я не ожидал ничего особенного и полагал, что он не ожидает тоже. Однако июньская ночь выдалась чудесной – прохладной, но спокойной и приятной, – и, мчась через город к Бродвею и поворачивая на север, я с удовольствием вдыхал свежий воздух, подставляя лицо ветру. На Таймс-сквер я заметил знакомого копа Марви Дойла, который раньше патрулировал Четырнадцатую улицу, и он позволил мне поставить машину на обочине Бродвея, пока я перебежал улицу к редакции «Таймс». Тротуары были запружены толпами зрителей из театров и кино, решающими потратить пару баксов в нелегальном кабаке или десять центов в «Недиксе».

Вернувшись в кабинет, я обнаружил, что Вулф предоставил девушке передышку. Он велел Фрицу принести пиво, и теперь она отпивала из стакана маленькими глотками, словно горячий чай. На ее верхней губе осталась полоска высохшей пены. Сам он прикончил три бутылки, хотя я отсутствовал не дольше двадцати минут. Стоило мне войти, как он объявил:

– Надо было сказать тебе, что нужен городской тираж.

– Точно, именно его я и привез.

– Хорошо. – Он повернулся к девушке. – Если не возражаете, мисс Фиоре, было бы лучше, чтобы вы не видели наших приготовлений. Разверни ее кресло, Арчи, туда, к столику, чтобы она могла поставить пиво. Теперь газеты. Нет, не отрывай ничего. Думаю, лучше оставить лист целым, ведь именно так она ее впервые увидела. Отложи вторую часть газеты. Она пригодится мисс Фиоре. Подумай, сколько отбросов в нее поместится. Сюда.

Я развернул перед ним на столе первую часть газеты, и он, потянувшись из кресла, склонился над ней. Это было все равно что смотреть на гиппопотама в зоопарке, приготовившегося обедать. Я вытащил вторую часть из всех выпусков и сложил стопкой на стуле, а затем сам взял первую полосу и принялся ее изучать. На беглый взгляд, никакой надежды она не вселяла. В Пенсильвании бастовали шахтеры. Национальное управление экономического восстановления спасало страну, чему посвящалось сразу три статьи. Двое юношей пересекли Атлантику на девятиметровой шлюпке. У ректора университета случился сердечный приступ на площадке для гольфа. В Бруклине гангстера выкурили из квартиры с помощью слезоточивого газа. В Алабаме линчевали негра. А где-то в Европе некто обнаружил старинную картину. Я украдкой взглянул на Вулфа. Он изучал всю страницу. Единственное, что представлялось мне достойным внимания, была найденная в Швейцарии картина: предполагалось, что ее украли в Ита-

лии. Однако, когда Вулф наконец-то достал из ящика ножницы, вырезал он вовсе не ее, а статью о бандите. Затем он отложил страницу в сторону и потребовал другую. Я подал ему ее и на этот раз ухмыльнулся, увидев, что он взялся за сообщение о картине. Что ж, я пришел вторым. Когда же он потребовал третью, мне стало любопытно, и я таращился на него, пока он вырезал заметку о происшествии с университетским ректором. Вулф заметил мою реакцию. Не поднимая глаз, он произнес:

– Молись об этой, Арчи. Если это окажется она, к Рождеству у нас будет *Angræsum sesquipedale*.

Я смог написать это мудреное название, поскольку вел счета, учитывая его расходы на орхидеи, равно как и на все остальное, но произнести это название мне удалось бы не лучше, чем вообразить какую-либо связь между ректором и Карло Маффеи.

– Покажи ей одну страницу, – велел Вулф.

Последняя вырезанная им страница лежала сверху, но я пропустил ее и взял следующую: статья о картине, заключенная в жирную рамку, располагалась в нижней правой четверти страницы. Я раскрыл ее и вытянул на руках перед Анной, и Вулф сказал:

– Взгляните на нее, мисс Фиоре. Так был вырезан кусок в понедельник утром?

Она лишь бросила взгляд:

– Нет, сэр. То был большой кусок наверху, вот здесь, дайте я покажу...

Я быстро убрал газету, прежде чем девушка успела дотянуться, бросил на стол, взял следующую и развернул ее. На этот раз она несколько помедлила с ответом:

– Да, сэр.

– Вы уверены?

– Она была вырезана именно так, сэр.

Какое-то время Вулф молчал, потом вздохнул и сказал:

– Поверни ее, Арчи. – Я взял кресло за подлокотники и крутанул его вместе с девушкой; Вулф посмотрел на нее и спросил: – Насколько вы уверены, мисс Фиоре, что газета была вырезана именно в этом месте?

– Совершенно уверена, сэр. Это точно.

– Вы видели саму вырезку? В его комнате, в мусорной корзине, быть может, или у него в руках?

– Нет, не видела. И ее не могло быть в корзине, потому что у него ее нет.

– Хорошо. Если бы все доводы были столь убедительны, как этот. Можете отправляться домой, мисс Фиоре. Вы были хорошей девочкой, любезной и терпеливой, и в отличие от большинства особ, с которыми я избегаю встречаться в своем доме, вы способны держать язык за зубами. Но не ответите ли вы еще на один вопрос? Прошу вас как об одолжении.

Она совершенно измучилась, но у нее все же сохранилось достаточно сил, чтобы в глазах отразилось замешательство. Девушка уставилась на него. Вулф продолжил:

– Всего один вопрос. Вы когда-нибудь видели в комнате Карло Маффеи клюшку для гольфа?

Если он хотел достичь кульминации, то это у него получилось, потому что впервые за все эти часы девушка не смогла вымолвить ни слова. Было даже забавно, насколько явной была ее реакция. Какое-то мгновение она лишь смотрела на него, затем, когда смысл вопроса дошел до нее, слабый румянец, что все еще оставался у нее на лице, сошел окончательно, и она побелела как полотно, челюсть же у нее так и отвисла. Она выглядела совершенной идиоткой, ее всю начало трясти.

Вулф невозмутимо сверлил ее взглядом:

– Когда вы ее видели?

Неожиданно она плотно стиснула губы, а руки на коленях сжала в кулаки.

– Нет, сэр, – только и пробормотала она. – Нет, сэр, никогда не видела.

Вулф смотрел на нее секунду-другую, затем сказал:

– Ладно. Все в порядке, мисс Фиоре. – Он повернулся ко мне. – Отвези ее домой.

Девушка даже не пыталась подняться, пока я не подошел к ней и не тронул за плечо. Тогда она оперлась о подлокотники и встала. Вулф определенно на чем-то ее поймал, но все-таки она не выглядела напуганной, скорее сокрушенной. Я снял ее жакет со спинки кресла и помог ей надеть его. Когда она направилась к двери, я обернулся, чтобы сказать что-то Вулфу, и глазам своим не поверил: он поднимался из кресла! В самом деле! Однажды я видел, как он снизошел до подобной любезности, когда из этой же комнаты выходила женщина, обладавшая состоянием в двадцать миллионов американских долларов и имевшая в мужьях английского герцога. Но я все же сказал, что собирался:

– Я пообещал ей доллар.

– Тогда, боюсь, тебе придется раскошелиться. – Он повысил голос, чтобы его услышали в дверях. – Спокойной ночи, мисс Фиоре.

Она не ответила. Я прошел за ней в прихожую и отвел к «родстеру». Когда мы добрались до Салливан-стрит, на крыльце нас поджидала миссис Риччи, и глаза ее так сверкали, что я счел за благо не задерживаться ради любезностей.

Глава 3

К тому времени, когда я поставил машину в гараж и прошел два квартала до Тридцать пятой улицы, кабинет погрузился во тьму. Поднявшись по лестнице, я увидел под дверью в спальню Вулфа полоску света. Я часто задавался вопросом, как же ему удается раздеваться. Мне было доподлинно известно, что Фриц ему не помогает. Фриц спал наверху, через коридор от оранжереи. Моя же комната, как и комната Вулфа, располагалась на втором этаже. Просторное помещение в передней части дома с собственной ванной и парой окон. Я прожил в этой комнате семь лет, и она определенно стала моим домом и, судя по всему, наверняка останется таковым еще на семь или даже на двадцать семь, ибо единственная девушка, к которой я по-настоящему питал слабость, подыскала себе другую партию, пришедшуюся ей больше по душе. Тогда-то я и познакомился с Вулфом. Однако сейчас не время рассказывать эту историю. В ней еще остаются один-два невыясненных момента. Но комната, несомненно, служила мне домом. Кровать была широкой и удобной, у меня имелся письменный стол со множеством ящиков и три кресла, все просторные и уютные, а еще настоящий ковер во всю комнату, а не эти чертовы коврики, которые так и норовят скользнуть под вами, словно кусок масла на горячем блине. Картины на стенах были нарисованы мной, и, как мне кажется, подборка была весьма удачной: поместье Джорджа Вашингтона Маунт-Вернон, цветной рисунок головы льва, лесной пейзаж с травой и цветами и, наконец, большая фотография в рамке моих отца и матери, которые оба умерли, когда я был совсем маленьким. Еще одна картина под названием «Сентябрьское утро», где на переднем плане была изображена обнаженная девушка с подобранными волосами, висела в ванной¹. Самая обычная комната, всего лишь удобная для проживания, если не считать большого электрического звонка на стене под кроватью, но его видно не было. Звонок этот был подключен таким образом, что, когда Вулф включал рубильник в своей комнате, а проделывал он это каждый вечер, любой, кто осмелился бы подойти ближе чем на пять футов к его двери или попытался бы влезть в окно, немедленно вызвал бы оглушительный трезвон. Этот звонок был также соединен со всеми входами в оранжерею. Как-то Вулф сказал мне, как бы между прочим, что он отнюдь не трус, просто испытывает сильнейшее отвращение, если к нему прикасаются или если внезапно он вынужден совершать любые быстрые движения. Я охотно поверил ему, когда представил, какую массу ему приходится перемещать. По некоторым причинам такие вопросы, как трусость, меня никогда не волновали, если дело касалось Вулфа, но если у меня имелись основания заподозрить в человеке труса, то я никогда не садился с ним за один стол.

Прихватив из кабинета одну из газет и облачившись в пижаму и тапочки, я удобно устроился в кресле с сигаретами и пепельницей под рукой и трижды прочел заметку об университетском ректоре. Она была озаглавлена следующим образом:

ПИТЕР ОЛИВЕР БАРСТОУ
УМЕР ОТ СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА
Ректор Холландского университета
умер на поле для гольфа
Друзья не успели
прийти ему на помощь

Статья оказалась довольно приличной – целая колонка на первой полосе и полторы на внутренней, да еще пространный некролог с откликами множества знаменитостей. Сама же история была весьма короткой, и, по сути, в ней ничего и не было, кроме описания очередной

---

¹ Имеется в виду репродукция картины французского художника Поля Эмиля Шабаса (1869–1937).

смерти. «Таймс» я читаю ежедневно, и этот номер был всего лишь двухдневной давности, но я так и не смог вспомнить, обратил ли внимание на это сообщение. Барстоу, пятидесятивосьмилетний ректор Холландского университета, воскресным днем играл в гольф на площадке клуба «Грин медоу» под Плезантвилем, в тридцати милях к северу от Нью-Йорка. Играли двое на двое: Барстоу и его сын Лоуренс против пары их знакомых – Э. Д. Кимболла и Мануэля Кимболла. На подходе к четвертой лунке Барстоу внезапно упал лицом вниз, несколько секунд подергался и затем затих. Мальчик, носивший его клюшки, подскочил к нему и схватил за руку, однако к тому времени, когда подбежали остальные, ректор был уже мертв. Среди подоспевших из здания клуба и с поля оказался врач, старый друг Барстоу, который вместе с сыном умершего доставил тело в личном автомобиле Барстоу в его дом в шести милях от клуба. По заключению этого врача, причиной смерти послужила болезнь сердца.

Остальное было приправой – рассказ о карьере и достижениях Барстоу, его фотография и прочее, а также упоминание, что, когда тело привезли домой, его жена упала в обморок, сын же и дочь держались стойко. Перечитав заметку в третий раз, я зевнул и признал себя побежденным. Единственной связью, которую я мог провести между смертью Барстоу и Карло Маффеи, был факт, что Вулф спрашивал у Анны Фиоре, видела ли она клюшку для гольфа, так что я отшвырнул газету и поднялся, сказав самому себе вслух:

– Мистер Гудвин, полагаю, это дело далеко от завершения. – Затем глотнул воды и лег в кровать.

Было почти десять часов, когда следующим утром я спустился вниз. Если выдавалась возможность, я спал по восемь часов. Вулф все равно не появлялся раньше одиннадцати. Вставал он неизменно в восемь, вне зависимости от того, во сколько лег накануне, завтракал в своей комнате за парочкой газет, а время с девяти до одиннадцати проводил в оранжерее. Иногда, одеваясь или принимая ванну, я слышал, как старый Хорстман – садовник, ухаживавший за растениями, – покрикивает на него. Вулф, кажется, воздействовал на Хорстмана так же, как и судья на Джона Дж. Макгро². Не то чтобы старик не любил Вулфа, нет, конечно. Однако я не удивился бы, что Хорстман просто опасается, как бы Вулф, случайно потеряв равновесие, не обрушился бы на орхидеи. Эти растения волновали Хорстмана так же, как, скажем, меня мой правый глаз. Спал Хорстман в отгороженной в углу оранжереи комнатке, и если он присматривал за орхидеями и по ночам, я бы этому тоже не удивился.

Позавтракав порцией почек, вафлями и парой стаканов молока на кухне, так как я настрого запретил Фрицу сервировать обеденный стол ради моего завтрака, который всегда принимал в одиночестве, я вышел на десять минут подышать свежим воздухом, прогулялся до причалов и обратно. Затем, предварительно смахнув пыль там и сям, открыв сейф и наполнив чернилами ручку Вулфа, я устроился с учетными книгами за своим столом в углу. Почту Вулфа я положил ему на стол, по обыкновению, нераспечатанной, мне же ничего не пришлось. Я выписал пару-тройку чеков, подвел баланс в расходной книге – не бог весть какая работенка, последнее время было довольно спокойно – и принялся изучать записи о расходах по оранжерее, желая убедиться, что Хорстман своевременно отчитался. Посреди этого занятия меня и застал раздавшийся на кухне звонок, а минутой позже в дверях возник Фриц и объявил, что с мистером Вулфом желает увидеться некий О'Грейди. Я изучил визитку посетителя и отметил, что раньше мне такой не попадался. Я знал многих детективов из убойного отдела, но этого О'Грейди прежде не встречал. Я велел Фрицу привести его.

---

² *Джон Джозеф Макгро* (1873–1934) – прославленный американский баскетболист и менеджер; в его времена судья на поле был только один, и Макгро использовал каждое отвлечение судьи, чтобы препятствовать продвижению игроков команды противника.

О'Грейди оказался молодым и весьма спортивным, судя по его телосложению и походке. У него был недобрый взгляд, оценивающий и вызывающий. На меня он посмотрел так, будто я прячу похищенного ребенка Линдберга³ у себя в кармане.

– Мистер Ниро Вулф? – спросил О'Грейди.

Я махнул рукой на кресло:

– Присаживайтесь. – Взглянув на часы на запястье, я сообщил ему: – Мистер Вулф спустится через девятнадцать минут.

– Это важно, – нахмурился он. – Не могли бы вы его позвать? Вам вручили мою визитку, я из убойного отдела.

– Да, конечно, я знаю, все в порядке. Просто садитесь. Если я позову его, он в меня чем-нибудь запустит.

О'Грейди уселся, а я вернулся к оранжерейным отчетам. За время ожидания пару раз у меня возникало желание просто ради развлечения попытаться вытянуть из него что-нибудь, но оно тут же пропадало, стоило лишь взглянуть на его физиономию: он слишком молод и благонадежен, чтобы возиться с ним. На протяжении этих девятнадцати минут он просидел, словно на церковной службе, не проронив ни слова.

Когда Вулф вошел в кабинет, О'Грейди поднялся из кресла. Вулф, неспешно продвигаясь от дверей к столу, пожелал мне доброго утра, попросил открыть еще одно окно и мельком взглянул на посетителя. Усевшись, он посмотрел на визитку, которую я положил на стол, а затем принялся за почту, быстро перебрав уголки конвертов, прямо как банковский кассир просматривает чеки при разборе вклада. Наконец он отодвинул почту и обратился к детективу:

– Мистер О'Грейди?

О'Грейди шагнул вперед:

– Мистер Ниро Вулф? – (Вулф кивнул.) – Что ж, мистер Вулф, мне нужны бумаги и прочие вещи, которые вы вчера взяли в комнате Карло Маффеи.

– Не может быть! – Вулф поднял голову, чтобы рассмотреть его получше. – Вот оно как? Это интересно, мистер О'Грейди. Присаживайтесь. Подвинь ему кресло, Арчи.

– Благодарю, не стоит. У меня много работы. Я всего лишь возьму бумаги и... вещи.

– Какие вещи?

– Которые вы взяли.

– Перечислите.

Детектив выпятил подбородок:

– Бросьте эти ваши шуточки. Давайте их сюда. Я спешу.

Вулф ткнул в него пальцем:

– Полегче, мистер О'Грейди. – Это было сказано тихо, но отчетливо, с интонацией, к которой Вулф прибегал не так уж часто. В разговоре со мной такое случилось лишь один раз – в нашу первую встречу, и я никогда не забывал, как она звучала. У меня тогда возникло ощущение, что, будь его воля, он смог бы уничтожить меня, не шевельнув пальцем. Он продолжил в том же духе: – Полегче. Садитесь. Садитесь, говорю вам!

Я толкнул детективу под колени кресло, и он медленно опустился в него.

– Сейчас вы получите бесплатный, но весьма ценный урок, – объявил Вулф. – Вы молоды и сможете им воспользоваться. Со времени моего появления в этой комнате вы только и совершали ошибки. Вы не проявили вежливости, а это было оскорбительно. Вы сделали заявление, не соответствующее действительности, и это было глупо. Вы спутали догадку с фактом – это было лицемерно. Хотите, объясню, как вам следовало вести себя? Мои мотивы исключительно дружеские.

---

³ Весной 1932 г. у прославленного американского авиатора Чарльза Линдберга (1902–1974) был похищен и убит двадцатимесячный сын; это было одним из самых резонансных преступлений XX в.

О'Грейди заморгал:

– Я не ставлю под сомнение ваши мотивы...

– Чудесно. Конечно же, вы понятия не имели, сколь неблагоприятно с вашей стороны было предположить, будто я посещал комнату Карло Маффеи. Будучи не знакомы с моими привычками, вы не знали, что я не возьмусь за подобное предприятие, даже если наградой будет *Cattleya Dowiana aurea*. И уж тем более не за какие-то бумаги и, как вы выразились, вещи. Арчи Гудвина, – его палец описал дугу в мою сторону, – подобное не беспокоит, так что ездил он. А сделать вы должны были следующее. Во-первых, ответить мне, когда я пожелал вам доброго утра. Во-вторых, обратиться со своей просьбой вежливо, детально и соответственно фактам. В-третьих, хотя это уже не так важно, в качестве профессиональной любезности вы могли бы вкратце уведомить меня, что было обнаружено и опознано тело убитого Карло Маффеи и что эти бумаги необходимы для возможного изобличения убийцы. Не кажется ли вам, мистер О'Грейди, что так было бы намного лучше?

Детектив изумленно уставился на него.

– Как, черт возьми... – начал он и осекся, затем продолжил: – Значит, это уже попало в газеты. Не знал, но его имени там быть не может, потому что я сам только два часа как выяснил его. Вы весьма догадливы, мистер Вулф.

– Благодарю. Вот только я тоже не видел этого в газетах. Однако, поскольку заявление Марии Маффеи об исчезновении ее брата не подвигло полицию далее великодушных попыток построения догадок, мне представляется весьма вероятным, что лишь убийство могло расшевелить ее до такого исступления, что она узнала о посещении Арчи его комнаты и об изъятии бумаг. Итак... Не сообразовали ли сообщить мне, где нашли его тело?

О'Грейди поднялся:

– Прочтите в вечернем выпуске. Таких, как вы, мистер Вулф, еще поискать надо. А теперь давайте бумаги.

– Конечно. – Вулф даже не пошевелился. – Но я предлагаю вам задуматься вот над чем. Все, что я прошу у вас, – это три минуты вашего времени и информация, которая через несколько часов будет доступна из открытых источников. В то время как – кто знает? – сегодня, или завтра, или в следующем году я могу натолкнуться на какой-нибудь любопытный факт, касающийся этого или другого дела, который, оказавшись он в вашем распоряжении, позволил бы вам добиться успеха в расследовании, славы, повышения по службе и прибавки жалованья. Повторяю, вы допускаете ошибку, пренебрегая требованиями профессиональной этики. Тело, случаем, обнаружили не в округе Уэстчестер?

– Вот черт! – изрек О'Грейди. – Если бы я не видел вас своими глазами и не понимал, что вам для передвижений нужен товарный вагон, то поневоле задумался бы, а не ваших ли рук это дело. Ладно. Да, округ Уэстчестер. В кустарнике, в ста футах от грунтовок в трех милях от Скарсдейла. Вчера в восемь вечера его обнаружили двое мальчишек, искавших птичьи гнезда.

– Наверное, застрелен?

– Зарезан. Врач говорит, что нож наверняка оставался в теле какое-то время – час или чуть больше, однако в трупе его уже не было. Нож так и не нашли. Карманы вычищены. На ярлыке на его костюме значился универмаг на Гранд-стрит. Ярлык и метку прачечной мне передали этим утром в семь. К девяти я уже знал его имя, после чего обыскал его комнату и поговорил с домовладелицей и служанкой.

– Превосходно, – отозвался Вулф. – Действительно отменная работа.

– Эта девушка... – нахмурился детектив, – либо ей что-то известно, либо в башке у нее так пусто, что она не может даже вспомнить, что ела на завтрак. Она была у вас здесь. Что вы подумали, когда она не смогла вспомнить о телефонном разговоре, о котором домовладелица заявила, будто та слышала каждое его слово?

Я бросил взгляд на Вулфа, но он и бровью не повел, просто заметил:

– Мисс Анна Фиоре несколько обделена, мистер О’Грейди. Значит, в ее памяти обнаружены изъяны?

– Изъяны? Да она забыла имя Маффеи!

– Вот как. Жаль. – Вулф уперся в край стола и оттолкнулся в кресле. Я понял, что он намеревается встать. – А теперь об этих бумагах. Остальные вещи – всего лишь пустая жестянка из-под табака да четыре снимка. Вынужден просить вас об одолжении. Вы позволите мистеру Гудвину проводить вас из комнаты? Так уж я устроен: не люблю открывать свой сейф в чьем-либо присутствии. Ничего личного, естественно. Будь вы моим банкиром, я вел бы себя так же, а может, даже и более настойчиво.

Я пробыл с Вулфом уже так долго, что обычно вполне поспевал за ходом его мысли, но вот тут едва не оплошал. Я уже раскрыл рот, чтобы сказать, что бумаги находятся в ящике его стола, куда я у него на глазах и убрал их вчера вечером, и только его взгляд остановил меня. Детектив явно колебался, и Вулф принялся его убеждать:

– Давайте же, мистер О’Грейди. Выходите. Не стоит подозревать, будто я пытаюсь таким образом что-то утаить, поскольку, даже будь оно так, вы бы ничем не смогли мне помешать. Подозрения подобного рода между профессионалами несерьезны.

Закрыв за нами дверь, я провел детектива в гостиную. Я предполагал, что Вулф подумается с дверцей сейфа, чтобы изобразить правдоподобный шум, однако просто на тот случай, если он все-таки не удосужится на подобный спектакль, принялся болтать с О’Грейди, чтобы занять его уши. Весьма скоро нас позвали обратно. Вулф стоял у ближнего края стола, держа жестянку и конверт, в который я сложил бумаги и снимки. Он протянул их детективу:

– Удачи, мистер О’Грейди. Можете не сомневаться, когда бы мы ни обнаружили что-либо имеющее, по нашему мнению, важность для вас, мы немедленно с вами свяжемся.

– Весьма признателен. Надеюсь, вы серьезно.

– Да, серьезно. Как и сказал.

Детектив ушел. Услышав, как хлопнула входная дверь, я прошел в гостиную и проследил в окно, как О’Грейди удаляется. Потом вернулся в кабинет и подошел к столу Вулфа, за который он вновь уселся, ухмыльнулся ему в лицо и заявил:

– Ах вы, чертов плут!

Складки на его щеках немного отодвинулись от уголков рта – так, по его мнению, выглядела улыбка.

– Ну и что же вы припрятали?

Он извлек из кармана жилета полоску бумаги, дюйма два длиной и полдюйма шириной, и протянул ее мне. Это была одна из вырезок, которые я прихватил из верхнего ящика бюро Маффеи, и трудно было поверить, что Вулф вообще подозревал о ее существовании, так как прошлым вечером он лишь мельком взглянул на весь этот хлам. И все же он взял на себя труд удалить О’Грейди из комнаты, чтобы сохранить ее.

СЛЕСАРЬ, который разбирается в проектировании и механике и намерен вернуться в Европу на постоянное проживание, может получить прибыльный заказ. Таймс L467, Нижний Манхэттен.

Я прочел объявление дважды, но увидел в нем смысла не больше, чем когда обнаружил его днем ранее в комнате Маффеи.

– Ладно, – произнес я, – если вы пытаетесь окончательно убедиться, что он намеревался уплыть, то я могу сгонять на Салливан-стрит и отодрать те багажные наклейки с сундука Анны. Но, даже допуская, что объявление что-нибудь да значит, когда же вы прочли его? Только не говорите, что можете изучить вещь, даже не глядя на нее. Я готов поклясться, что вы не... – Тут я осекся. Ну конечно же он видел его. Я ухмыльнулся. – Вы просмотрели бумаги, когда я ночью отвозил Анну домой.

Какое-то время он устраивался в кресле за столом и только затем насмешливо проворчал:

– Bravo, Арчи!

– Ладно. – Я уселся напротив него. – Могу я задать вопросы? Я хочу узнать три вещи. Или я должен пойти в класс и выучить уроки?

Естественно, все это меня несколько разозлило. И подобное происходило каждый раз, когда я узнавал, что он связал изящный узелок прямо у меня под носом, в то время как я даже не видел, к чему он ведет.

– Никаких уроков, – ответил он. – Ты идешь за машиной и с разумной скоростью едешь в Уайт-Плейнс. Если вопросы лаконичны...

– Они достаточно лаконичны, но, если у меня появилась работа, они могут и подождать. Раз это Уайт-Плейнс, то, полагаю, мне предстоит взглянуть на дырку в Карло Маффеи и прочие детали, которые покажутся мне незначительными.

– Нет. Черт! Арчи, перестань размышлять вслух в моем присутствии. Если уж так неизбежно, что тебе в конечном счете суждено будет встать на один уровень, например, с мистером О'Грейди, то давай хотя бы отсрочим это на как можно больший срок.

– О'Грейди проделал этим утром славную работенку – два часа от ярлыка на пиджаке и метки прачечной до того телефонного звонка.

– Да ты просто даун, – покачал головой Вулф. – Так что с вопросами?

– Могут подождать. Что же тогда в Уайт-Плейнсе, если не Маффеи?

Вулф одарил меня своим суррогатом улыбки, и для него необычно длительной. Наконец он ответил:

– Возможность срубить деньжат. Имя Флетчер М. Андерсон говорит тебе о чем-нибудь, если не заглядывать в картотеку?

– Уж надеюсь! – фыркнул я. – Благодарностей за свое «браво» не ждите. Тысяча девятьсот двадцать восьмой год. Помощник районного прокурора в деле Голдсмита. На следующий год перебрался в провинцию и теперь прокурор округа Уэстчестер. Свои долги признает только за закрытыми дверями и на ухо. Женат на деньгах.

– Все верно, – кивнул Вулф. – Получай свое «браво», Арчи. Как-нибудь обойдусь без благодарностей. В Уайт-Плейнсе встретишься с мистером Андерсоном и передашь ему соблазнительное и, вероятно, выгодное предложение. По крайней мере, так предполагается. Я ожидаю информации от посетителя, который должен явиться с минуты на минуту. – Вулф потянулся к большим платиновым часам в кармане жилета и взглянул на них. – Замечу, что пунктуальность торговца спортивным инвентарем не выдерживает никакой критики. Я звонил в девять. Заказ должны были доставить в одиннадцать. А сейчас уже одиннадцать сорок. Хотелось бы избежать проволочек. Лучше бы я послал тебя... Ага!

Раздался звонок. Фриц прошел по прихожей мимо кабинета, послышался звук открываемой входной двери, а затем вопрос визитера и ответ Фрица. Тяжелая поступь заглушила шаги Фрица, и вот в дверях показался молодой человек габаритов игрока в американский футбол, несший на плече огромный сверток в три фута длиной и такой же большой в окружности, как и сам Вулф. Переведя дыхание, он объявил:

– От Корлисса Холмса.

По кивку Вулфа я поднялся ему помочь. Мы положили сверток на пол, и молодой человек опустился на колени и принялся развязывать шнур, но он так долго возился, что я потерял терпение и полез в карман за ножом. Из кресла Вулфа донесся шепот:

– Нет, Арчи, не все узлы заслуживают такого обращения.

Мне пришлось убрать нож. Наконец торговец расправился с узлом и вытянул шнур. Я помог ему развернуть бумагу и мешковину, а потом в немом изумлении уставился на доставленное. Посмотрел на Вулфа и снова на кучу на полу. Это оказалось не что иное, как клюшки

для гольфа – должно быть, целая сотня клюшек – достаточно, как мне подумалось, чтобы прикончить миллион змей, ибо я представить себе не мог, что они годны для чего-то большего.

– Упражнения пойдут вам на пользу, – бросил я Вулфу.

Не потрудившись подняться из кресла, он велел нам положить их на стол, и мы с молодым человеком сгребли по охапке. Я принялся раскладывать их в ряд: клюшки длинные и короткие, тяжелые и легкие, металлические, деревянные, стальные, хромированные – какие только можно было вообразить. Вулф осматривал их – каждую, что я клал перед ним. Оглядев штук десять, он объявил:

– Не эти, с металлическими концами. Уберите их. Только вот эти, с деревянными. – И обратился к молодому человеку: – Они ведь называются не концами?

На лице парня отразились одновременно изумление и высокомерие.

– Это головка.

– Примите мои извинения... Как вас зовут?

– Меня? Таунсенд.

– Примите мои извинения, мистер Таунсенд. Я всего однажды видел клюшки для гольфа в витрине, когда у моей машины спустило колесо, но концы у них не были как-то помечены. А это, кстати, всё варианты одной разновидности?

– Что? Они все разные.

– И впрямь. Ну и ну! Лицевая поверхность из дерева, со вставками из слоновой кости... Поскольку это головка, вот это, полагаю, называется лицевой поверхностью?

– Ну да, это лицевая поверхность.

– Конечно. А каково назначение вставки? Ведь у всего в жизни должно быть назначение, за исключением разведения орхидей.

– Назначение?

– Именно. Назначение.

– Ну... – Молодой человек замялся. – Конечно же, она обеспечивает точность удара. В смысле, когда бьют по мячу, удар наносят вставкой.

– Понимаю. Что ж, достаточно. Мне вполне хватит. И рукоятки... Одни деревянные, такие изящные и удобные, другие стальные... Полагаю, стальные рукоятки полые.

– Полый стальной стержень, да, сэр. Это дело вкуса. Вот эта клюшка называется драйвер. А вот эта – брасси. Видите латунь внизу? Брасси.

– Безукоризненное логическое заключение, – пробурчал Вулф. – Что ж, полагаю, на этом и остановимся, урок окончен. Знаете, мистер Таунсенд, все-таки хорошо, что обстоятельства рождения и воспитания всем нам позволяют проявить снобизм. Мое невежество в сей специфичной терминологии дает возможность покичиться вам, а ваше незнание элементарных мыслительных процессов – мне. Что же до цели вашего визита, то продать мне вы ничего не сможете. Эти штуки во веки веков останутся для меня совершенно бесполезными. Можете снова упаковать ваш товар и забрать с собой, однако давайте допустим, что я все-таки купил три клюшки и прибыль с каждой составит один доллар. Три доллара? Эта сумма вас удовлетворит?

Молодой человек, как оказалось, обладал чувством достоинства, если не собственного, то, во всяком случае, Корлисса Холмса.

– Вы не обязаны ничего покупать, сэр.

– Не обязан, однако я не закончил. Вынужден попросить вас об одном одолжении. Не возьмете ли вы одну из этих клюшек – вот эту – и не встанете ли вон там, за креслом? Взмахните ею общепринятым способом.

– Взмахнуть?

– Да. Ударьте, стукните, пробейте, как там у вас это называется. Представьте, что вы наносите удар по мячу.

Помимо снобизма, молодому человеку теперь приходилось скрывать и презрение. Он взял у Вулфа драйвер, отошел от стола, отпихнул в сторону кресло, огляделся по сторонам, вверх и вниз, а затем замахнулся клюшкой, отведя ее за плечо, и со страшным свистом опустил ее вниз.

Вулф вздрогнул.

– Неукротимая ярость, – пробормотал он. – И еще раз, помедленнее. – (Молодой человек подчинился.) – Если возможно, мистер Таунсенд, еще медленнее.

На этот раз он проделал это как в замедленной съемке, карикатурно и смехотворно, однако Вулф наблюдал со всей серьезностью и внимательностью, затем сказал:

– Превосходно. Тысяча благодарностей, мистер Таунсенд. Арчи, поскольку у нас нет счета у Корлисса Холмса, выдай, пожалуйста, мистеру Таунсенду три доллара. А теперь поспеши, с твоего позволения. Поездка, о которой я говорил, неизбежна и даже неотложна.

После всех этих недель затишья сердце мое так и подскочило, стоило лишь услышать требование Вулфа поторопиться. Мы с молодым человеком в мгновение ока упаковали клюшки, я проводил его до двери и вернулся в кабинет. Вулф сидел, сложив губы в трубочку, однако никакого свиста на расстоянии шести футов слышно не было – понять, что воздух входит и выходит, можно было только по тому, что его грудь вздымалась и опускалась. Иногда, находясь достаточно близко от него, я пытался расслышать, действительно ли он, по его мнению, издает какую-то мелодию, но все время безрезультатно. Он оставил свое занятие, когда я подошел, и сказал:

– Это займет у тебя буквально минуту, Арчи. Садись. Блокнот не понадобится.

Глава 4

За рулем я ничего, кроме дороги, не вижу, так как обладаю тем складом ума, что принимается за работу и посвящает себя ей, пока не подойдет время для другой. В тот день я тоже взял высокий темп. Из-за плотного потока до Вудлона я добирался долго, зато оттуда до Уайт-Плейнса у меня ушла всего двадцать одна минута. Однако, несмотря на склад ума и спешку, краешком глаза я все же наслаждался парковой магистралью. Кусты покрылись цветами, деревья, словно в медленном танце, непринужденно шевелили на ветру молодыми листочками, а трава была уже густой и зеленой. И я подумал, что даже за тысячу долларов нельзя соткать такой ковер, по которому было бы так же приятно ходить, как по этой травке.

Увы, спешка все равно не помогла. В здании суда, когда я до него добрался, меня постигла неудача. Андерсон уехал и появится только в понедельник, через целых четыре дня. В Адирондакские горы, сказали мне, но адреса не дали. Хотя прокатиться в Лейк-Плэсид было бы, пожалуй, не так уж и плохо. Первый помощник Андерсона, чью фамилию – Дервин – я раньше никогда не слышал, был все еще на ланче и ожидался через полчаса. И ни одна живая душа как будто не горела желанием мне помочь.

Я прошел по улице и, отыскав телефон, позвонил Вулфу в Нью-Йорк. Он велел дожидаться Дервина и опробовать номер на нем. До его прихода я как раз был не прочь перекусить парой сэндвичей и стаканом молока. Когда я вернулся, Дервин был у себя в кабинете, но мне пришлось прождать его еще двадцать минут, – полагаю, все это время он выковыривал из зубов остатки ланча. Местечко было унылым до невозможности.

Когда я задумываюсь о разных людях, с которыми мне доводилось встречаться, как бы глупо это ни казалось, но все юристы для меня непостижимым образом выглядят одинаково. Они представляют собой некую смесь испуганной и одновременно удовлетворенной личности, словно переходят оживленную улицу, где каждую секунду ожидают наезда, однако им доподлинно известно, что за бумагу нужно вручить водителю, если тот задавит их насмерть, и она уже лежит у них в кармане. Дервин именно так и выглядел, хотя и казался весьма представительным, элегантным и упитанным, лет около сорока (скорее моложе, чем старше), с темными блестящими волосами, зачесанными назад, и счастливой, лучающейся довольством физиономией. Я водрузил свою панаму на угол его стола, уселся в кресло и только потом заявил:

– Жаль, что мне не удалось застать мистера Андерсона. Не знаю, заинтересует ли вас мое предложение, но совершенно уверен, что сам он заинтересовался бы.

Дервин откинулся на спинку кресла, одарив меня улыбкой политика:

– Если оно связано с моими служебными обязанностями, несомненно, заинтересует, мистер Гудвин.

– Свяzano, не сомневайтесь. Вот только я несколько в невыгодном положении, поскольку вы не знаете моего нанимателя Ниро Вулфа. Мистеру Андерсону он известен.

– Ниро Вулф? – Дервин наморщил лоб. – Я слышал о нем. Вы говорите о частном детективе, конечно же. Видите ли, это пока еще Уайт-Плейнс. Провинция начинается немного севернее.

– Да, сэр. Хотя я не стал бы называть Ниро Вулфа частным детективом. В качестве описания... Хм... начать с того, что оно подразумевает слишком уж деятельный образ жизни. Однако я работаю именно на этого человека.

– И у вас от него предложение?

– Да, сэр. Как я сказал, изначально предложение предназначалось мистеру Андерсону, однако я созвонился с Вулфом полчаса назад, и он велел передать его вам. Оно может и не сработать тем же самым образом. Насколько мне известно, мистер Андерсон – человек бога-

тый. Вас же я с этой стороны не знаю. Может, вы вроде меня, может, вы живете от полочки до полочки.

Дервин рассмеялся, однако смех был наигранным, так как уже через секунду лицо его приняло важное и деловое выражение.

– Может, и да. Однако, хотя сейчас я и не особенно загружен работой, все-таки хотел бы услышать предложение.

– Да, сэр. Оно заключается в следующем. В прошлое воскресенье, четыре дня назад, Питер Оливер Барстоу, ректор Холландского университета, скоропостижно скончался на поле гольф-клуба «Грин меду» под Плезантвилем. Вам это известно?

– Конечно. Это тяжелая утрата для общества, да и вообще для всей страны.

Я кивнул:

– Похороны прошли во вторник, он был погребен на Агауокском кладбище. Мистер Ниро Вулф предлагает вам пари. Он собирался предложить его мистеру Андерсону, но сказал, что готов биться об заклад и с вами. Если вы эксгумируете тело и произведете вскрытие, то обнаружите в нем следы яда. Он готов поспорить на десять тысяч долларов и вручит на хранение заверенный чек на данную сумму любому ответственному лицу, которое вы укажете.

Я лишь ухмылялся, пока Дервин тарашился на меня. Тарашился он долго, а потом произнес:

– Мистер Ниро Вулф ненормальный.

– О нет, – возразил я. – Вот на это я бы вам ставить не советовал. Но я еще не закончил с пари Ниро Вулфа. Он также ставит на то, что в брюшной полости Барстоу, возможно под желудком, на глубине одного-трех дюймов от кожного покрова будет обнаружена короткая тонкая и острая игла, вероятно стальная, но, быть может, и из очень твердой породы дерева. Она вошла в тело снизу вверх, под углом примерно сорок пять градусов, если ее не отклонила кость.

Дервин продолжал тарашиться на меня. Когда я замолчал, он вновь попытался изобразить смех, но на этот раз у него получилось не очень.

– Отродясь не слышал большей чуши! – заявил он. – Полагаю, за этим что-то кроется, если только вы тоже не сумасшедший.

– Именно что кроется. – Я достал из кармана чек, который вручил мне Вулф. – В мире найдется совсем немного людей, которые рискнули бы десятью тысячами долларов за невероятную чушь, и можете мне поверить, Ниро Вулф не из них. Питер Оливер Барстоу был убит. В него всадили эту иглу. Я говорю это. Ниро Вулф говорит это. И вот эти десять штук баксов говорят это. Вполне веское доказательство, мистер Дервин.

Юрист уже выглядел далеко не таким счастливым и довольным, как в момент моего прихода. Я ждал. Он разразился:

– Это нелепо! Совершенно нелепо!

– Вулф на это не спорит, – ухмыльнулся я. – Он лишь спорит, что так оно и есть.

– Но это невозможно! Это просто нелепо и... и чудовищно! Какой бы номер вы ни пытались отколоть, вы не на того напали. Я знаком с семьей Барстоу и потому в курсе всех фактов. Не буду пересказывать их вам. Что за идиотская чушь! Да вы знаете, кто подписал свидетельство о смерти? Я не думаю...

– Конечно знаем, – прервал его я. – Доктор Натаниэль Брэдфорд. Тромбоз коронарных артерий. Но даже если бы все доктора на свете были столь хороши, как он, и если бы все они сказали «тромбоз коронарных артерий», деньги Ниро Вулфа по-прежнему прямо перед вами готовы говорить за себя.

Я видел, что выражение лица Дервина изменилось. Он уже оправился от потрясения и теперь готов был умничать. Он резко спросил:

– Слушайте, в чем подвох?

– Совершенно никакого подвоха. Никакого. Только намерение выиграть десять штук.

– Дайте мне взглянуть на чек.

Я протянул ему чек. Он тщательно осмотрел его, придвинул к себе телефон, снял трубку и через мгновение с кем-то заговорил:

– Мисс Риттер, соедините меня с отделением «Метрополитен траст компани» на Тридцать четвертой улице.

Он сидел и смотрел на чек, я же в терпеливом ожидании скрестил руки. Раздался звонок, он снова снял трубку и начал задавать вопросы, кучу вопросов. Он определенно убеждался, что ошибки быть не может. Когда он повесил трубку, я весело сказал:

– По крайней мере, мы готовы начать – теперь, когда вы убедились, что доллары настоящие.

Он пропустил мои слова мимо ушей, продолжая хмуриться на чек. Наконец он спросил так же резко:

– Имеете ли вы в виду, что действительно уполномочены заключить пари в том виде, как вы его изложили?

– Да, сэр. Этот чек выписан на меня и заверен. Я могу подписать его без малейшего труда. Если вам угодно позвонить Вулфу, его номер Брайант девять, два-восемь-два-восемь. Во избежание какого-либо неверного толкования я бы предложил, чтобы ваша стенографистка напечатала подробное соглашение и мы оба его подписали. Также должен подчеркнуть, что Вулф берет на себя ответственность не предоставлять мотивов, предложений и улик и не собирается обсуждать данное дело. Это пари, только и всего.

– Пари, черт! Не надейтесь ни на какое пари! Кто, вы предполагаете, будет спорить с вами – округ Уэстчестер?

Я ухмыльнулся:

– Мы надеялись на мистера Андерсона, но в его отсутствие мы не особо привередливы. Кто угодно, у кого найдется десять тысяч долларов. Вулфа это не волнует – начальник полиции, редактор газеты или, может, какой-нибудь видный демократ с развитым чувством гражданской ответственности.

– Вот как!

– Да, сэр, так. Мне предписано сделать все от меня зависящее, чтобы обеспечить денежное покрытие до наступления темноты.

Дервин вскочил, отпихнув от себя кресло:

– Ха! Пари? Блеф!

– Вы так думаете, сэр? А вы проверьте. Покройте его.

Видимо, Дервин уже на что-то решился, так как, пока я говорил, он двинулся через кабинет. В дверях он обернулся:

– Не подождете здесь десять минут? Полагаю, подождете, раз ваш чек у меня в кармане.

Он не был подписан. Дервин удалился, прежде чем я успел кивнуть ему. Я устроился в кресле и принялся ждать. Интересно, как дельце обернется? – гадал я. Не упустил ли я какой-то выгоды? Может, стоило озвучить свою последнюю угрозу, только если бы он проявлял больше упрямства? Но как я мог вынудить его действовать быстрее? Да и в конце концов, обладало ли это ничтожество достаточными полномочиями или смелостью, чтобы провернуть подобное в отсутствие своего шефа? Вулфу требовалось именно быстрое действие. Я, конечно же, понимал, что он надеется на пари не больше, чем я надеялся получить от него на день рождения в подарок десять штук, – его целью было вскрытие и эта игла. Теперь я понимал, как он догадался о ней, но как, если уж на то пошло, он вообще связал ее с Карло Маффеи... Тут я остановился и вернулся к текущей работе. Если этот Дервин откажется и не поведется на мои посулы, куда мне тогда идти? Между четырьмя и шестью мне придется полагаться только на себя самого. Я не осмелился бы побеспокоить Вулфа телефонным звонком, пока он возится

наверху со своими чертовыми цветочками. Время было два пятьдесят. Дервин ушел на десять минут. Я начинал чувствовать, что остался в дураках. Что, если он продержит меня здесь целый день, связав по рукам и ногам, с моим-то чеком в кармане? Если уж я позволю обойтись так со мной ничтожному юристу-вымогателю, то не осмелюсь взглянуть Вулфу в его огромную жирную физиономию. Я не должен был упускать Дервина из виду. Уж точно не с моим чеком. Я вскочил с кресла и ринулся через кабинет, однако у двери успокоился и несколько расслабился. Осторожно повернув ручку, я открыл дверь и высунул голову. В приемную вел небольшой коридорчик, и я услышал, как по телефону говорит девушка:

– Нет, оператор, только вызываемое лицо. Только мистера Андерсона, никого другого.

Дождавшись, когда она повесит трубку, я направился к ее конторке:

– Не затруднит ли вас сообщить, куда вышел мистер Дервин?

Она как будто заинтересовалась мной, взгляд ее был доброжелателен, но ответила только на сам вопрос:

– Он звонит из кабинета мистера Андерсона.

– Вы не стали бы врать мне просто для практики?

– Мне она не требуется, благодарю.

– Хорошо. Если не возражаете, я займу один из этих стульев. Одному там довольно уютно.

Я уселся в кресло в трех от входной двери, но стоило только мне лишь устроиться, как дверь распахнулась и с деловым видом вошел здоровяк в синем костюме, черных туфлях и жесткой соломенной шляпе. Не поворачиваясь в мою сторону, он направился к девушке, и со своего места я без труда разглядел у него на бедре пушку. Девушка поприветствовала его:

– Здравствуйте, мистер Кук, мистер Дервин в кабинете мистера Андерсона.

Когда гость исчез за другой дверью, я поинтересовался у секретарши:

– Неужели Бен Кук?

Не поднимая глаз, она кивнула. Я ухмыльнулся, снова устроился и принялся ждать.

Прошло пятнадцать минут, прежде чем дверь в кабинет Андерсона вновь отворилась, на пороге возник Дервин и позвал меня:

– Проходите, Гудвин.

Я вошел. Оказавшись внутри и увидев, как они срежиссировали мое выступление, я не смог удержаться от смеха. Бен Кук занимал кресло рядом с другим за столом, несомненно предназначенным для Дервина, а третье было выставлено для меня, прямо напротив них, и обращено к свету.

– Смешно ему, видите ли, – пробурчал здоровяк.

Дервин занял свое кресло и только после этого соизволил сообщить:

– Это начальник полиции.

Я притворился, будто прищурился от света:

– Могли бы и не говорить. Неужели вы думаете, что слава Бена Кука не простирается дальше Бронкского парка?

Дервин сурово посмотрел на меня. Боже, как же смешно это выглядело! Он даже зашел столь далеко, что погрозил мне пальцем:

– Гудвин, я потратил целых полчаса и теперь готов сообщить вам, что последует дальше.

Если вам что-либо известно, вы все выложите нам, пока мы будем ждать Вулфа. По какой причине вы...

Мне было крайне досадно прерывать представление, но иначе было никак.

– Ждать Вулфа?! Здесь?!

– Конечно здесь. Если он не захочет неприятностей. Думаю, я все разъясню ему по телефону.

Я не стал смеяться, просто сказал:

– Послушайте, мистер Дервин, сегодня один из ваших черных дней. У вас в жизни не было столько никудышных пари. Ниро Вулф так же способен на приезд сюда, как я на то, чтобы сообщить вам имя убийцы Барстоу.

– Да? – подключился Бен Кук. – Ты много чего нам расскажешь. Много чего.

– Возможно. Но я не скажу вам, кто убил Барстоу, потому что не знаю. Если вы хотите поспрашивать, например, о дорогах...

– Уймись! – Дервин принял еще более суровый вид. – Гудвин, вы выдвинули вопиющее обвинение, и поразительнейшим способом. Я не буду притворяться, что у меня к вам множество вопросов, потому что мне явственно не на чем их обосновать. По какой причине и с какой целью ваш наниматель направил вас сюда сегодня?

Я вздохнул и принял важный вид:

– Я же сказал вам, мистер Дервин. Заключить пари.

– Да бросьте вы! Пошевелите хоть немного мозгами, если они у вас есть. Вы не отделаетесь этим. И черт побери, вы это знаете! Давайте же. Мы вас слушаем.

Бен Кук изрек:

– И не пытайся умничать. Ты будешь удивлен, как мы порой обращаемся с умниками.

Будь у меня желание, я смог бы, полагаю, затянуть спектакль на всю ночь, но время шло, да и они начинали меня доставать. И потому я разразился речью:

– Одну минуту, джентльмены. Вы, естественно, раздражены, и это очень плохо, но тут уж ничем не могу помочь. Допустим, я пошлю вас к черту, встану и уйду. Ну что вы сделаете? Да, господин начальник, я знаю, что до участка недалеко, но я туда не отправлюсь. Честно говоря, вы ведете себя как два тупых копа. Я удивлен, мистер Дервин. Ниро Вулф пытается приобщить вас к самому началу крупного расследования, а первое, что вы делаете, – это разбалтываете о нем Бену Куку, а затем принуждаете меня вывести вас обоих из игры и просто бросить на съедение волкам. Вы пальцем не тронете меня, не глупите. Ниро Вулф с удовольствием притянет вас к суду за незаконный арест. В полицейский участок я захожу исключительно затем, чтобы навестить друзей, и не пойду туда, если вы не предъявите мне ордер. Но подумайте, какой смех поднимется, когда о моей истории проведает репортеры, а потом появятся доказательства, что Барстоу был убит. По правде говоря, все это начинает меня немного раздражать, и я уже склоняюсь к мысли потребовать назад свой чек и распрощаться с вами. Уясните: я ничего вам не скажу. Понятно? А теперь либо отдавайте чек, либо сами говорите по делу.

Дервин сидел скрестив руки и смотрел на меня, даже не пытаясь открыть рот. Бен Кук произнес:

– Приехал, значит, на село поучить деревенщину уму-разуму. Сынок, я достаточно большой, чтобы оттащить тебя в участок, было бы желание. Больше ничего.

– Вы можете позволить себе разыгрывать беззаботность, – ответил я ему. – Дервин вручил вам хлопушку, которую, возможно, побоялся взорвать сам, и вы знаете это. – Я повернулся к Дервину. – Кому вы звонили в Нью-Йорк? В главное управление?

– Нет. Окружному прокурору.

– Вы застали его?

Дервин положил руки на подлокотники, откинулся на спинку кресла и беспомощно посмотрел на меня:

– Я говорил с Морли.

– С Диком Морли, – кивнул я. – И что он сказал вам?

– Он сказал, если Ниро Вулф предлагает пари на десять тысяч долларов на что бы то ни было, то он бы весьма оценил, если бы я поспорил с ним еще на одну тысячу, только он дал бы мне десять к одному.

Я был слишком раздражен, чтобы ухмыльнуться, и сказал:

– И все же вы приглашаете меня сюда ляды точить, вместо того чтобы хвататься за лопаты и раскапывать Агауокское кладбище. Повторяю: я ничего вам не скажу и Вулф вам ничего не скажет, но дело перед вами верное, бери не хочу. Следующее, что вы сделаете, – это вернете мне чек. И что потом?

Дервин вздохнул и прочистил глотку, однако ему пришлось прочистить ее еще раз.

– Гудвин, – начал он, – я буду честен перед вами. Мне это не по зубам. Это не для приглашения, Бен, но дело обстоит именно так. Мне это совершенно не по зубам. Боже мой, да вы знаете, что это означало бы? Эксгумация и вскрытие Питера Оливера Барстоу?

Я снова его прервал:

– Чушь! Можно найти десяток оправданий.

– Что ж, может быть, я не очень силен в оправданиях. Как бы то ни было, я знаком с семьей. Я не могу пойти на это. Я звонил Андерсону в Лейк-Плэсид и не застал его. Он перезвонит до шести часов, до семи уж точно. Он может выехать ночным поездом и завтра к утру будет уже здесь. Тогда он и решит.

– Значит, сегодня не получится, – подытожил я.

– Да. Исключено. Я не пойду на это.

– Ладно. – Я поднялся. – Пройдусь до угла и позвоню Вулфу – узнаю, станет ли он ждать так долго. Если он согласится, то двину на юг, подальше от деревенщины. Так что отдавайте чек.

Дервин достал его из кармана и протянул мне.

Я ухмыльнулся Бену Куку:

– Вас подбросить до участка, господин начальник?

– Подвези, сынок, подвези.

Глава 5

Тем вечером Вулф был сама доброта. Я вернулся домой как раз вовремя, чтобы пообедать с ним. Он слова не дал мне сказать об Уайт-Плейнсе, пока мы не вышли из-за стола. По правде говоря, мы вообще ни о чем не разговаривали, потому что он включил радио. Вулф неизменно повторял, что нынешняя эпоха идеальна для домоседа. Некогда такой человек мог удовлетворить свое любопытство по части минувших времен, читая Гиббона, Ранке, Тацита или Грина, но, если он хотел встретиться с современниками, ему приходилось выходить из дому. Сегодня же домоседу, которому прискучили Гальба или Вителлий, достаточно включить радио и вернуться в кресло. Одну программу – она называлась «Шутники» – Вулф пропускал редко. Даже не знаю почему. Он усаживался рядом с приемником, сцепив пальцы на животе, прикрыв глаза и скривив рот, словно держал что-то за щекой, готовый в любую минуту это выплюнуть. Я же в это время частенько отправлялся на прогулку, но когда обед начинался немного раньше и передача выпадала как раз на него, мне приходилось слушать ее. Да, у меня есть любимые передачи, но «Шутники» представляются мне просто верхом пошлости.

После обеда мой отчет в кабинете много времени не занял. Я ненавидел извиняться перед Вулфом, поскольку он всегда снисходительно относился к моим неудачам. Вулф считал само собой разумеющимся, что я сделал все возможное и сетовать следует только на препоны, создаваемые «окружением», как он это называл. И на этот раз он обошелся без замечаний и даже не казался особо заинтересованным моим отчетом, равно как и извинениями. Я пытался расшевелить его, пытался, например, выяснить, действительно ли у него была подобная дикая идея, что я могу вот так запросто подбить окружного прокурора на пари, но он оставался любезным и спокойным. Я поинтересовался у него, считает ли он возможным, что я, выбрав иную линию поведения, смог бы убедить Дервина произвести эксгумацию этим днем. Он ответил, что, скорее всего, нет.

– Рожденный ползать летать не может. – Вулф сидел за своим столом, изучая через лупу носик *Cymbidium Alexanderi*, стебель которой сломал Хорстман. – Ему бы толику воображения, самую малую, но, насколько я могу судить по твоему описанию, оно у него напрочь отсутствует. Прошу, не кори себя. Вполне возможно, это дело в конечном счете обернется одними убытками. Вот с Флетчером Андерсоном могло бы выгореть. Он человек богатый, амбициозный и отнюдь не дурак. Он бы, пожалуй, смекнул, что в его интересах без особого шума произвести эксгумацию. Если вскрытие покажет, что я ошибался, он выиграет десять тысяч долларов. Если прав буду я, то ему придется заплатить мне, но взамен он получит сенсационное дело. А еще он мог бы прийти к выводу, что, положив в карман его денежки, я посчитаю себя обязанным предоставлять ему информацию и в дальнейшем. Твои переговоры в Уайт-Плейнсе, по сути, были примитивным деловым предприятием – предложением взаимовыгодного обмена. Если бы только мистер Андерсон оказался на месте, вероятно, именно так он бы и посмотрел на дело. Но это вполне еще осуществимо и пока стоит определенных усилий. Однако, как мне кажется, собирается дождь.

– Вы что, меняете тему? – Я так и прирос к креслу возле его стола, хотя видел, что он воспринимает меня как досадную помеху, но у меня были к нему кое-какие вопросы. – Небо затягивало уже, когда я вернулся. Что, дождь смое все ваши улики?

Он сохранял безмятежность, по-прежнему склоняясь над увеличительным стеклом.

– Однажды, Арчи, когда я решу, что терпеть тебя больше не имеет смысла, тебе придется жениться на женщине весьма скромных умственных способностей, чтобы обзавестись подходящим слушателем своих никудышных колкостей. Когда я упомянул дождь, то заботился лишь о твоём же удобстве. Днем мне пришло в голову, что было бы неплохо, если бы ты посетил Салливан-стрит, хотя это можно отложить и на завтра.

В подобное трудно было поверить, если только не знать его так же хорошо, как я. Я-то прекрасно знал, что он на полном серьезе считал любой выход из дому неприятнейшим предприятием, а уж в дождь и вовсе авантюрой.

– Вы за кого меня принимаете? – отозвался я. – Боитесь, что растаю? Конечно же я поеду. Это, кстати, и был один из моих вопросов. Как вы думаете, почему Анна Фиоре так упорно играла в молчанку с О’Грейди? Потому что он не проявил достаточно такта и обаяния, как мы с вами?

– Вероятно. Превосходная догадка, Арчи. Особенно если учесть, что сегодня я послал к ней Пензера. Она отозвалась на свое имя, да и то весьма неохотно, но больше не издала ни звука. Так что твой такт и обаяние пригодятся. Если получится, привези ее сюда к одиннадцати утра. Дело не великой важности, и, если подождать, вреда не будет. Подобное упрямство достойно осады.

– Я поеду за ней сейчас же.

– Нет. Seriously. Завтра. Сядь! Я бы предпочел, чтобы ты оставался здесь, праздный и бесполезный, пока я непонятно зачем изучаю сей бесперспективный цветок. Бесперспективный и бесплодный, очевидно. Как я отмечал ранее, иметь тебя под боком всегда приятно, поскольку это постоянно напоминает мне, сколь огорчительным было бы присутствие здесь людей, жены например, от которых я не мог бы избавиться по собственному желанию.

– Хорошо, сэр, – хмыкнул я, – продолжайте в том же духе.

– Не сейчас. Не под дождь. Не люблю его.

– Ладно, тогда объясните мне кое-что. Как вы узнали, что Карло Маффеи убили? Как вы узнали, что Барстоу отравили? Как вы узнали, что в него всадили иглу? Конечно, после визита того посыльного от Корлисса Холмса я понимаю, как это было сделано, но как вы к этому пришли?

Вулф положил лупу и вздохнул. Я понимал, что мешаю ему, но, помимо любопытства, мои вопросы носили и деловой характер. Он, казалось, никогда не осознавал, что, хотя у меня и есть глубокая вера в его непогрешимость, я все же мог бы проделывать свою часть работы с немного большим осмыслением, если бы понимал, что заставляет шестеренки вращаться. Не думаю, что он когда-нибудь разоткровенничался бы сам – по делу крупному или мелкому, – если бы я не переставал его пилить.

– Надо ли напоминать тебе, Арчи, – снова вздохнул он, – о реакции Веласкеса, если бы ты спросил его, почему рука Эзопа прячется в складках хитона, а не висит вдоль туловища?⁴ Надо ли опять доказывать тебе, что, в то время как ученый охотно объяснит ход своих рассуждений, художник посчитает расспросы неуместными? Движение его мысли – как полет жаворонка или парение орла. Сколько говорить тебе, что я – художник?

– Ладно, сэр. Просто расскажите, как вы узнали, что Барстоу отравили.

Он опять взялся за лупу. Я сидел и ждал, прикурив следующую сигарету. Она уже догорела, и я решил было пойти в гостиную почитать книгу или журнал, как вдруг он заговорил:

– Карло Маффеи пропал. Вероятно, был избит и ограблен. Случай довольно обычный, если бы не телефонный звонок и объявление. Звонок сам по себе небезынтересен, но важна угроза: «Это не я должен бояться». Объявление привносит детали. Пока оно не обнаружилось, Маффеи был одним из многих. Теперь же выясняется, что он способен изготовить некий сложный и замысловатый механизм. Слово «механика» в объявлении являлось определяющим, но оно также натолкнуло пылливый ум на великолепные догадки. Затем, совершенно случайно, как случайно было само возникновение жизни, обнаруживается, что Маффеи в день своего исчезновения вырезал из газеты сообщение о смерти Барстоу. Что ж, перечитаем эту статью еще раз и поищем в ней то, что может иметь отношение к Карло Маффеи. Неприметный ита-

---

⁴ Вулф говорит о картине испанского живописца Диего Веласкеса (1599–1660) «Эзоп».

льянский иммигрант-слесарь и известный, образованный и богатый ректор университета. Что может их связывать? Однако связь все-таки существует. И несопоставимость этих двух личностей может сделать их более явной, если она хоть сколько-нибудь различима. Итак, есть статья. Нужно найти связь, если она имеется. Обдумать каждое слово, отбросить его и перейти к следующему, только если оно наверняка ничего в себе не несет. В момент своего падения, а также непосредственно перед ним Барстоу держал в руках и использовал не одно приспособление, а целый набор таковых, которые, хотя и не являются сложными замысловатыми механизмами, легко преобразуются в таковые. Картина сложилась полностью. Обосновывать ее не требовалось, достаточно было лишь созерцать как произведение искусства. Однако изображение стоило зафиксировать. Поэтому я спросил мисс Фиоре, видела ли она в комнате Мафффеи клюшку для гольфа. Ее реакция говорила сама за себя.

– Понятно, – отозвался я. – А если бы девчонка просто посмотрела бы и сказала бы, что никогда клюшки не видела?

– Я уже говорил, Арчи, что не доставлю тебе удовольствия, отвечая на гипотетические вопросы.

– Конечно, это удобная отмазка.

Вулф печально покачал головой:

– Ответ означал бы признание допустимости твоего жаргона, но я уже понял, что ожидать от тебя большего бессмысленно. Откуда, черт возьми, мне знать, как бы я поступил?! Пожалуй, пожелал бы ей спокойной ночи. Нашел бы я то, что позволит отлакировать мою картину, в другом месте? Может, да, а может, нет. Вот как бы ты ел, если бы голова у тебя сидела задом наперед?

– Уж не голодал бы, – ухмыльнулся я. – Так же, как и вы. Это я знаю наверняка. Но откуда вы узнали, что Мафффеи был убит?

– Я не знал, пока не пришел О'Треиди. Ты слышал, что я ему сказал. Полиция обыскала его комнату. Подобное произошло бы только в том случае, если бы он оказался замешан в преступлении или если бы его убили. В свете остальных фактов первое было маловероятно.

– Хорошо. Но самый главный вопрос я приберегу напоследок. Кто убил Барстоу?

– А-а, – тихо выдохнул Вулф. – Вот это уже совсем другая картина. Она недешево обойдется покупателю и принесет неплохую прибыль художнику. Кроме того, один из ее персонажей, вероятно, весьма видная фигура. Продолжая банальную метафору, мы не встанем к мольберту, пока не убедимся в вознаграждении. Впрочем, на самом деле это не совсем верно. Мы начнем грунтовать полотно завтра утром, если ты сумеешь привезти сюда мисс Фиоре.

– Давайте я съезжу за ней сейчас. Всего лишь начало десятого.

– Нет! Слышишь, как льет? Завтра съездишь.

Я знал, что настаивать бесполезно, и принялся листать журналы, а когда они вконец мне надоели, надел плащ и отправился на часок в кино. Никому бы не признался, за исключением себя самого, но на душе у меня было беспокойно. Подобное ощущение частенько накатывало на меня и раньше, но легче от этого не становилось. Я был совершенно уверен, что Вулф никогда не даст нам упасть в яму, не имея под рукой лестницы, чтобы из нее выбраться, но, несмотря на это, порой меня охватывали ужасные сомнения. На всю оставшуюся жизнь не забуду тот случай, когда он прижал президента банка – точнее, это сделал я – на том основании, что авторучка на его столе не была заправлена чернилами. И никогда в жизни я не испытывал большего облегчения, чем когда час спустя банкир застрелился. Однако было бесполезно пытаться хотя бы немного осадить Вулфа. Я, во всяком случае, на это времени больше не тратил. Раньше, когда я пускался в объяснения, как легко он может ошибиться, он просто отвечал: «Арчи, ты осознаешь только факты, у тебя нет чутья на феномены». Я посмотрел значение слова «феномен» в словаре, но так и не понял, что он имел в виду, а спорить с ним было без толку.

В общем, на душе у меня снова скребли кошки, и поэтому я накинул плащ и отправился в кино, где можно было посидеть в темноте, таращась на что-нибудь, и занять мозг работой. Нетрудно было понять, как Вулф это разгадал. Кто-то хотел убить Барстоу – назовем его Икс. Он разместил объявление в газете о поиске специалиста, способного кое-что для него сделать, причем такого, который собирается навсегда покинуть страну. Если он впоследствии и проявит излишнее любопытство, то вреда Иксу уже не причинит. Маффей откликнулся на объявление и выполнил работу, а именно создал приспособление внутри клюшки для гольфа, которое при ударе вставки на лицевой поверхности по мячу приводило в действие спусковой механизм и на другом конце рукоятки выстреливало иглу. Возможно, Икс преподнес это как проверку мастерства для последующего заказа в Европе. Однако он заплатил итальянцу столь много денег, что Маффей в итоге решил не возвращаться на родину. Как бы то ни было, Икс использовал клюшку по назначению, заменив ею точно такую же клюшку Барстоу. Затем Маффей натолкнулся на статью в понедельничной «Таймс» и сообразил, что к чему. Это и понятно: уж больно необычную штуку ему заказали. Икс позвонил, Маффей встретился с ним, поделился своими подозрениями и попытался его шантажировать. Вспыхнула ссора. На этот раз Икс не стал подыскивать слесаря, сведущего в проектировании и механике, а просто пырнул Маффей ножом, оставив оружие у него в спине, чтобы не запачкать обивку автомобиля. Потом он покатился по холмам Уэстчестера, пока не нашел укромное местечко, оставил тело в кустах и вытащил нож, который затем выбросил в ближайшей речке или водоеме. Вернувшись домой в благопристойное время, он пропустил стаканчик-другой перед отходом ко сну, а когда проснулся на следующее утро, то вместо обычного делового костюма надел визитку, потому что собирался на похороны своего друга Барстоу.

Конечно же, это была картина Вулфа, и картина что надо, но вот о чем я размышлял, сидя в кинотеатре: хотя все факты в ней использовались без каких бы то ни было натяжек, с той же уверенностью нечто подобное можно было сказать и о воззрениях тысячелетней давности, когда считали, будто Солнце вращается вокруг Земли. Это не противоречило ни одному из известных тогда фактов. Но вот что сказать о фактах неизвестных? И вот Вулф ставит на кон десять штук и свою репутацию, чтобы выкопали Барстоу. Как-то один из клиентов заявил Вулфу, что он несказанно беспечен. Мне это понравилось, да и Вулфу тоже. Но это не спасало меня от тягостных размышлений. Что, если Барстоу вскроют и обнаружат лишь обычный коронарный тромбоз и никаких инородных предметов в брюшной полости? Тогда всю неделю каждый, начиная от окружного прокурора и заканчивая рядовым фараоном в Бат-Бич, будет потешаться над нами, экономя двадцать центов, которые могли бы потратить, сходя в кино на Микки-Мауса. Я был не настолько тупым и понимал, что каждый может допустить ошибку, но понимал я и то, что если уж человек корчит из себя такого самоуверенного, как Вулф, то он просто обязан всегда оказываться правым.

И все-таки в некотором отношении я твердо стоял на своем. Какими бы великими ни были мои терзания, я все равно не сомневался, что Вулф прав. На этой ноте я и отправился спать, когда, вернувшись из кино домой, обнаружил, что Вулф уже поднялся в свою спальню.

Следующим утром я проснулся в начале восьмого, но из кровати выбираться не спешил, поскольку знал: если встану и оденусь, все равно буду слоняться без дела, потому как было бессмысленно привозить Анну Фиоре до того времени, как Вулф спустится из оранжереи. Я лежал, позевывая, и разглядывал рисунок леса с травой и цветочками, фотографию отца и матери, а потом вновь закрыл глаза, но не вздремнуть, так как совершенно выспался, а посмотреть, сколько различных звуков с улицы смогу распознать. Именно этим я и занимался, когда раздался стук в дверь и вошел Фриц.

– Доброе утро, – поприветствовал его я. – Мне, пожалуйста, грейпфрутовый сок и всего лишь чашечку шоколада.

Фриц улыбнулся. У него была приятная рассеянная улыбка. Шутки он понимал, но отвечать на них никогда не пытался.

– Доброе утро. Внизу джентльмен, хочет повидаться с мистером Вулфом.

Я сел:

– Как его зовут?

– Он представился Андерсоном. Визитки не дал.

– Что?! – Я спустил ноги с кровати. – Так-так-так-так... Он не джентльмен, Фриц, это нувориш. И мистер Вулф надеется, что скоро богатства у него поубавится. Скажи ему... Нет, не утруждайся. Я сейчас спущусь.

Я смочил лицо холодной водой, оделся на скорую руку и наспех причесался. Затем спустился вниз.

Когда я зашел в кабинет, Андерсон и не подумал встать. Он так загорел, что на улице с первого взгляда я его и не узнал бы. Вид у него был сонный и раздраженный, волосы причесаны не аккуратнее моих.

– Меня зовут Арчи Гудвин, – представился я. – Не думаю, что вы меня помните.

Он по-прежнему даже не пошевелился в кресле:

– Не помню, простите. Я пришел повидаться с Вулфом.

– Да, сэр. Боюсь, вам придется немного подождать. Мистер Вулф еще не встал.

– Недолго, надеюсь.

– Не могу знать. Сейчас выясню. Прошу меня извинить.

Я смылся в прихожую и какое-то время стоял у подножия лестницы. Мне необходимо было решить, является ли сей визит тем случаем, когда Вулфу захочется нарушить заведенный распорядок. Было без четверти восемь. В конце концов я поднялся по лестнице, прошел по коридору и остановился футах в десяти от его двери, там, где на стене располагалась кнопка. Я нажал ее, и тут же послышался его тихий голос:

– Ну?

– Отключите рубильник. Я войду.

Раздался щелчок, после которого донеслось:

– Входи.

В постели Вулф являл собой нечто невозможное: пока не увидишь это воочию, ни за что не поверишь. Сие зрелище я наблюдал часто, но оно оставалось сущим пиршеством для моих глаз. Сверху в любое время года обязательно располагалось толстое черное шелковое одеяло. Оно отвесно опускалось во все стороны с возвышения посередине, и, чтобы увидеть лицо Вулфа, нужно было встать как можно ближе, а затем наклониться и заглянуть под балдахин над изголовьем. Этот навес из черного шелка простирался на фут дальше подбородка Вулфа и довольно низко свешивался с трех сторон. Под ним-то, словно лик божества, на белой подушке и покоилась его большая жирная физиономия.

Из-под одеяла появилась рука Вулфа и дернула за шнур, свисавший справа. Балдахин сложился и отошел назад к спинке кровати. Вулф прищурился. Я сообщил ему, что внизу находится Флетчер М. Андерсон и желает с ним увидеться.

Вулф выругался. Я терпеть не мог, когда он ругался. Это действовало мне на нервы. А все потому, что однажды он поведал мне, что для него ругательство является не речевой вспышкой, а обдуманном выражением глубинного желания. Ругался он редко, но в то утро изрыгал проклятия одно за другим. Наконец он прорычал:

– Уйди! Давай убирайся!

Заикаться мне тоже не нравилось.

– Но... Но... Андерсон...

– Если мистер Андерсон хочет видеть меня, то может подождать до одиннадцати часов.

Но это излишне. За что я тебе плачу?

– Очень хорошо, сэр. Конечно же вы правы. Я нарушил правило и получил нагоняй. Но теперь, когда с этим покончено, могу я предложить, что все-таки было бы неплохо увидеться с Андерсоном...

– Не можешь.

– А десять тысяч долларов?

– Нет.

– Во имя всего святого, сэр, почему нет?

– Черт побери, ты изводишь меня! – Вулф повернул голову на подушке, вытянул руку и ткнул в мою сторону пальцем. – Да, изводишь. Но временами это весьма полезно, так что я не буду из-за этого брюзжать. Вместо этого я отвечу на твой вопрос. Я не встречаюсь с мистером Андерсоном по трем причинам: во-первых, я еще не встал с постели, не одет и пребываю в дурном настроении. Во-вторых, ты вполне можешь и сам уладить с ним дело. В-третьих, я усвоил науку эксцентричности: человеку бесполезно трудиться над созданием репутации чудака, если он при малейшем подстрекательстве возвращается к нормальному образу действий. А теперь убирайся! Немедленно!

Я вышел из спальни, спустился в кабинет и сообщил Андерсону, что если у него есть желание подождать, то он может увидеться с мистером Вулфом в одиннадцать часов.

Естественно, он ушам своим не поверил. Когда он убедился, что ничего иного не услышит, то взорвался. Судя по всему, особенно его возмущало то, что он приехал в дом Вулфа прямо с вокзала Гранд-Сентрал, хотя я не понимал, что здесь такого. Я объяснил ему несколько раз, в чем штука, сказал ему, что это такая странность и тут уж ничего не попишешь. Также я сказал ему, что вчера был в Уайт-Плейнсе и в курсе ситуации. Это как будто его немного успокоило, и он начал забрасывать меня вопросами. Я скармливал ему информацию по кусочкам и от души повеселился при виде выражения его лица, когда сообщил, что Дервин пригласил Бена Кука. Узнав всю историю, он откинулся на спинку кресла, потер нос и устремил свой взгляд куда-то над моей головой. Наконец он опустил взор на меня:

– Ну и поразительное же заключение сделал Вулф, не так ли?

– Да, сэр. Что верно, то верно.

– Тогда у него должна быть какая-то поразительная информация.

– Мистер Андерсон, – усмехнулся я, – разговаривать с вами одно удовольствие, но тратить время бессмысленно. Что касается поразительной информации, пока не раскопают могилу и не произведут вскрытие Барстоу, Вулф и я будем немые, как музейные мумии.

– Что ж, очень плохо. Я мог бы предложить Вулфу вознаграждение за специальное расследование... Расследование и отчет.

– Вознаграждение? Это слишком расплывчато.

– Скажем, пятьсот долларов.

– Боюсь, он слишком занят, – покачал я головой. – И я тоже. Может, этим утром мне придется поехать в Уайт-Плейнс.

– О! – Андерсон прикусил губу и взглянул на меня. – Знаете, мистер Гудвин, я редко выхожу из себя, но не кажется ли вам, что вся эта затея довольно отвратительная? Или, лучше сказать, неэтичная.

Это меня взбесило. Я посмотрел ему прямо в глаза:

– Послушайте, мистер Андерсон, вы сказали, что не помните меня. Зато я помню вас. Вы ведь не забыли дело Голдсмита пять лет назад? Вам совершенно не причинило бы вреда, если бы стало общеизвестно, что Вулф снабдил вас кое-какой полезной информацией по этому делу. Ну да бог с ней. Положим, у вас были какие-то особые причины не распространяться. Мы не возражали. Но насколько этично было с вашей стороны обернуть дело так, что Вулф получил пятно на своей репутации вместо того, что ему причиталось по праву? Возможно, у вас какая-то своя собственная этика.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Ну конечно. Но если сегодня я поеду в Уайт-Плейнс, кое-кто узнает, о чем я говорю. И что бы вы ни получили на этот раз, вы за это заплатите.

Андерсон улыбнулся и встал:

– Не беспокойтесь, Гудвин. Сегодня в Уайт-Плейнсе вы не понадобится. На основании полученной информации я определенно решил на эксгумацию тела Барстоу. Вы или Вулф будете здесь в течение дня? Возможно, позже я захочу связаться с ним.

– Вулф всегда здесь, но между девятью и одиннадцатью утра или четырьмя и шестью вечера он недоступен.

– М-да... Вот чудак!

– Да, сэр. Ваша шляпа в прихожей.

Я подошел к окну в гостиной и посмотрел, как отъезжает его такси. Затем вернулся в кабинет, к телефону. Я колебался, но все же верил, что Вулф прав, а если и нет, то немного рекламы нам все равно не помешает, а потому позвонил в редакцию «Газетт» Гарри Фостеру, и, по счастью, он оказался на месте.

– Гарри? Это Арчи Гудвин. Тут для тебя кое-что есть, но пока сиди тише воды ниже травы. Этим утром в Уайт-Плейнсе Андерсон, окружной прокурор, собирается получить предписание суда на эксгумацию и вскрытие тела Питера Оливера Барстоу. Скорее всего, он попытается провернуть все по-тихому, но я подумал, что тебе захочется выручить его. И еще. Однажды, когда придет время, я был бы рад поведать тебе, что заставило Андерсона проявить любопытство... Не стоит.

Я поднялся к себе, побрился и подобающе оделся. Когда я с этим покончил, а затем позавтракал и немного поболтал на кухне с Фрицем о рыбе, было уже полдесятого. Я отправился в гараж за «родстером», заправил его бензином и маслом и двинул на юг к Салливан-стрит.

Поскольку было время занятий в школе, улица оказалась не такой шумной и грязной, как в прошлый раз, кроме того, отличия проявились и в другом. Я мог бы ожидать увидеть траурное убранство, но мне просто не пришло это в голову. На двери была большая черная розетка со свисающими длинными черными лентами, а над ней – крупный венок из листьев и цветов. Поблизости, в основном на противоположной стороне улицы, околачивалось несколько человек. Чуть поодаль на тротуаре маячил коп, выглядевший безразличным, но, когда мой «родстер» остановился в нескольких ярдах от двери с венком, он явно встрепенулся. Я выбрался из машины и подошел к нему поздороваться.

В ход пошла моя визитка.

– Арчи Гудвин из офиса Ниро Вулфа. Сестра Маффеи привлекла нас к его поискам за день до обнаружения тела. Я приехал повидаться с домовладелицей и поспрашивать немного.

– Вот как? – Коп сунул визитку в карман. – Да я только и знаю, что стоять здесь. Арчи Гудвин? Приятно познакомиться.

Мы пожали друг другу руки, и, заходя в дом, я попросил его присмотреть за моей машиной.

Миссис Риччи как будто не очень обрадовалась, увидев меня, но я вполне понимал ее чувства. Этот детектив О'Грейди наверняка устроил ей за то, что она позволила мне прихватить кое-что из комнаты Маффеи, конечно же без малейших на то прав или оснований, но таковые ему и не требовались. Я усмехнулся, когда домовладелица сжала губы, приготовившись к вопросам, которые я, по ее мнению, приехал задавать. Когда наверху ожидает погребения тело убитого, ничего веселого тут нет, даже если он и был всего лишь постояльцем. Я выразил ей сочувствие, а затем сказал, что хотел бы повидаться с Анной Фиоре.

– Она занята.

– Конечно. Но это важно. С ней хочет поговорить мой шеф. Это займет всего лишь час или около того, вот пара долларов...

– Нет! Ради всего святого, оставьте нас в покое! Дайте несчастной женщине похоронить брата, не доводя ее своим кудахтаньем до безумия! Да кто вы такой...

Естественно, она только вывела бы меня из себя. Какой-либо помощи от нее ожидать было бессмысленно, она даже не стала бы меня слушать, так что я махнул рукой и вернулся в прихожую. Дверь в столовую была открыта, но там никого не было. Прокравшись туда, я услышал шаги в коридоре. Наблюдение через щель между дверью и косяком выявило миссис Риччи возле лестницы. Она поднялась и, судя по звукам, продолжила подъем по следующему пролету. Я стоял за дверью, выжидая, и удача улыбнулась мне. Не прошло и десяти минут, как смолкли шаги на лестнице, и я увидел в щель Анну. Я тихонько позвал ее. Она остановилась и огляделась по сторонам.

Не повышая голоса, я уточнил:

– В столовой. – Девушка подошла к дверям, и я вышел из укрытия. – Привет, Анна. Миссис Риччи сказала мне подождать здесь, пока ты не спустишься.

– Ой! Мистер Арчи...

– Кто же еще. Я приехал за тобой. Отвезу на прогулку. Миссис Риччи разозлилась, что я явился за тобой, но помнишь, как в среду я дал ей доллар? Сегодня я дал ей два, и она согласилась. Но поспеши, я обещал вернуться до полудня.

Я схватил Анну за руку, но она выдернула ее.

– В той же машине, что и позавчера?

– Ну да. Пошли же.

– Мой жакет наверху, и только посмотрите на мое платье.

– Для жакета слишком тепло. Живей! Вдруг миссис Риччи передумает? Мы можем купить тебе что-нибудь... Давай же.

Решительно взяв девушку за руку, я потащил ее из столовой по коридорчику к входной двери, однако мне вовсе не хотелось выглядеть обеспокоенным на улице. Наперед не угадаешь, сколь важным мог возомнить себя тот коп, и любое его вмешательство могло все испортить. Поэтому я распахнул дверь и объявил:

– Иди садись, а я попрощаюсь с миссис Риччи.

Я выждал лишь две секунды и последовал за ней. Она только открывала дверцу. Я обошел машину, сел за руль, нажал на стартер, помахал рукой фараону и рванул с места по Салливан-стрит, чтобы окрик из верхних окон потонул в реве двигателя и не потревожил ушей Анны.

Она определенно была пугалом. Платье ее имело тот еще вид. Но я нисколько не стыдился, что она сидит рядом, когда по дороге домой объезжал Вашингтон-сквер и выруливал на Пятую авеню. Ничуть. Часы на приборной панели показывали двадцать минут одиннадцатого.

– Куда мы едем, мистер Арчи? – поинтересовалась Анна.

– Видишь, сиденье такое низкое, что тебе нечего волноваться о платье, – ответил я. – С улицы видно только твое лицо, а с ним все в порядке. Что скажешь, если мы прокатимся по Центральному парку? Утро просто чудесное.

– О да.

На протяжении десяти кварталов мы оба не проронили ни слова, а потом она снова произнесла:

– О да.

Несомненно, она здорово проводила время. Я проехал по Пятой авеню и на Шестидесятой улице свернул в Центральный парк. На западной стороне по Риверсайд-драйв доехал до Сто десятой улицы и затем до Национального мемориала генерала Гранта, где сделал круг и повернул обратно. Не думаю, что она хоть раз взглянула на деревья, траву или реку. Объектом ее внимания были люди в других машинах. Без пяти одиннадцать я остановился перед фасадом дома Вулфа.

Миссис Риччи звонила уже дважды. Вид у Фрица был презабавный, когда он сообщил мне об этом. Я немедленно позвонил ей и отчитал, потребовав не чинить препятствий правосудию. Не знаю, много ли она услышала из-за своих воплей, но вроде бы такой подход сработал. Больше она не таякала до полудня, когда я повез Анну домой.

Вулф явился как раз во время моего звонка миссис Риччи. Я наблюдал, как по пути к своему столу он остановился пожелать девушке доброго утра. С женщинами он вел себя галантно. У него было какое-то извращенное представление о них, в сути которого я так и не разобрался. Каждый раз, когда я видел его с одной из них, он неизменно был сама галантность. Я не смог бы описать его поведение при этом, поскольку сам его не понимал. Конечно же, трудно представить, как может быть галантной эта глыба плоти, но Вулф определенно таковым был. Даже когда угрожал одной из дамочек, как в тот раз, когда выдавливал из Ньюры Пронн правду о деле Дипломатического клуба. Я тогда получил наглядное представление о том, что значит «выжать как губку».

С Анной Фиоре он начал мягко. Проглядев почту, он повернулся к ней и молча смотрел почти минуту, прежде чем сказал:

– Нам больше не нужно строить догадки относительно местонахождения вашего друга Карло Маффеи. Примите мои соболезнования. Вы видели тело?

– Да, сэ.

– Прискорбно, весьма прискорбно, ведь он не стремился к насилию, а лишь случайно оказался на его пути. Чудно, на какой тонкой ниточке может висеть судьба человека. Например, мисс Фиоре, судьба убийцы Карло Маффеи может зависеть от того, когда и при каких обстоятельствах вы видели клюшку для гольфа в комнате вашего жильца?

– Да, сэ.

– Ну вот, теперь вам будет легко рассказать все нам. Возможно, мой позавчерашний вопрос воскресил в вашей памяти тот случай.

– Да, сэ.

– Воскресил?

Девушка открыла было рот, но ничего не сказала. Я внимательно наблюдал за ней, и она показалась мне какой-то странной. Вулф вновь спросил:

– Воскресил?

Она молчала. Ни нервничала, ни боялась, насколько я видел. Просто молчала.

– Когда я спросил вас об этом позавчера, мисс Фиоре, вы показались немного расстроенной. Я сожалею об этом. Не скажете ли нам, почему вы расстроились?

– Да, сэ.

– Быть может, из-за воспоминания о чем-то неприятном, произошедшем в тот день, когда вы увидели клюшку?

Снова молчание. Я видел: что-то неладно. Последний вопрос Вулф задал так, словно он ничего не значил. Мне были знакомы нюансы его интонаций, и я понимал, что это и впрямь не слишком его занимает. По крайней мере, пока. Что-то увело его по другому следу. Почти сразу же он выстрелил в нее следующим вопросом, и тон у него был уже другим:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.